

ЭКСМО

Сергей Алтынов

КРОССВОРД ДЛЯ НЕЛЕГАЛА

Черная кошка

Сергей АЛТЫНОВ

Кроссворд для нелегала

«ЭКСМО»

2004

Алтынов С. Е.

Кроссворд для нелегала / С. Е. Алтынов — «Эксмо»,
2004 — (Черная кошка)

ISBN 5-699-06607-1

Главное в профессии разведчиков особого назначения Вячеслава Телегина и Натальи Шугалий – оказаться в нужное время в нужном месте. Сейчас они на Балканах – в самом центре многоходовых операций различных спецслужб. Их задача – узнать как можно больше о новом сверхсекретном оружии ЦРУ, которое испытывают здесь. В такой работе нет места страху и жалости: или ты, или тебя. Но они не боятся смерти, страшнее – не выполнить задание Родины.

ISBN 5-699-06607-1

© Алтынов С. Е., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Пролог	5
Часть первая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Алтынов

Кроссворд для нелегала

*Мир я сравнил бы с шахматной доской.
То день, то ночь, а пешки – мы с тобой.
Подвигают, притиснут – и побили,
И в темный ящик сунут на покой.*
Омар Хайям

Пролог

Март 1982 года. Некое государство Ближневосточного региона

Парашютисты сидели тесным рядом вдоль ребристой стены фюзеляжа. Отряд был разбит на пятерки – четверо местных, что было видно по смуглым, обветренным лицам, затем парень лет двадцати восьми явно европейской наружности, снова четверо местных и снова европеец, чуть постарше первого. И так далее, всего три боевые пятерки. Полковник в который раз оглядел свою «интербригаду». Каждого бойца Олег Петрович отбирал лично, а затем натаскивал в учебном центре под Симферополем. Однако что-то не в себе Кемаль, нервно тербит пальцами шнур, тянущийся к проволоке под потолком. И Слава... Держится пацан, но мышцы лица выдают. Олег Петрович поймал взгляд лейтенанта и подмигнул. В ответ Вячеслав робко улыбнулся. Что ж, лейтенант, – первое боевое крещение, не все на ринге перчатками молотить.

– Минутная готовность! – послышалась усиленная мегафоном команда из кабины пилота.

Полковник поднялся первым. Под потолком салона замигала «синяя лампочка». Начали подниматься и остальные бойцы. Дверь фюзеляжа распахнулась, и «интербригада», один за другим, стала вываливаться в ночь. Олег Петрович провожал каждого из них молча, лишь Кемаль бросил пару ободряющих фраз на родном языке. Один из «аборигенов», входивших в последнюю пятерку, самый высокий и плотный, неожиданно у самого люка испуганно уперся. Идущий вслед командир пятерки, невысокий крепыш Николай, без особых трудностей приподнял его, точно тряпичную куклу, и выбросил в темноту.

– Дети разных уродов, дери их мать, – по-русски откомментировал крепыш, оскалился в улыбке и последовал за незадачливым подчиненным.

– Давай, Слава! – скомандовал Олег Петрович, и Телегин шагнул к люку.

Еще мгновение, и лейтенант уже парил в черном небе, в лицо били холодные капли дождя, а при вспышке молнии он отчетливо различил силуэты своих боевых товарищей – прыгали затяжными, так незаметнее с земли, да и не разнесет далеко друг от друга. Полковник был где-то рядом, и это было для Славы самым главным.

А еще через полчаса он уже пробирался по извилистой лесной тропе, сжимая укороченный десантный «АКС».¹ Полковник шел впереди, а лейтенант Телегин прикрывал командира с тыла.

¹ «АКС» (а также «АКС-74У») – модель автомата Калашникова, находящаяся на вооружении у спецназа и воздушно-десантных войск.

Впереди слышался крик совы. Сперва одиночный, затем чуть более громкий – по два раза, с интервалом в десять секунд. Это означало, что нужно ложиться на живот и ползти. Сверху шарили лучи прожекторов, а подобраться к частоколу летнего президентского дворца надо было незаметно. По счастью, агент из числа obsługi сработал на совесть – подкоп был сделан точно в указанном месте. Подземный лаз недолог – всего метров пять под частоколом. «Вот сейчас, один за другим, окажемся на открытой, со всех сторон простреливаемой площадке... И если стража не спит, а тем более если что-то пронюхала – ослепят нас с вышек прожекторами и перебьют, как тараканов...» – этот момент был самым гнилым звеном во всем плане операции, и полковник, сколько ни сушил мозги, так и не смог найти более надежного решения, чем «авось, пронесет».

Пронесло. Наверное, потому, что их было совсем мало, и все действовали быстро и бесшумно, недаром десятки раз проигрывался весь сценарий на макете президентского дворца, сооруженном в натуральную величину из ДСП и опалубки в одном из хорошо охраняемых уголков Подмосквья...

Часовых сняли с помощью нейлоновых струн, в жилые апартаменты проникли через гаражное помещение. В коридоре проснувшийся дежурный офицер схватился было за кобуру, но не успел даже вскрикнуть – полковник неуловимо быстрым движением прокрутил его голову почти на полный оборот и вместе с подоспевшим Славой аккуратно уложил позади стола вдоль бархатной ковровой дорожки. Этажом выше им повстречался не то врач, не то официант – какая-то странная личность в белом. Этого отключил Кемаль, столь же быстро и грамотно.

Часы показывали половину четвертого утра. Пока все шло с опережением графика, без стрельбы, практически вообще без шума.

У дверей спальни комнаты было пусто – непорядок, по протоколу тут самый важный пост. Полковник быстро огляделся, молча кивнул на дверь находящегося рядом туалета. Трое бойцов во главе с Кемалем тут же нырнули туда. Негромкая возня, и через минуту из отделанного розовым мрамором просторного «кабинета задумчивости» выволокли и уложили в «предбаннике» тело почти двухметрового бородатого негра, личного президентского телохранителя. Кемаль молча протянул полковнику автоматический пистолет Стечкина с деревянной кобурой. «Навооружали на собственную башку!» – усмехнулся Слава и еще крепче сжал свой «АКС».

«Нет, это не дворец Тадж-бек Хафизуллы Амина, – думал полковник. – Вот там было пекло, а здесь... Как на даче у секретаря облисполкома. Только не расслабляться, иначе пойдут накладки. Они все равно пойдут, в таких делах без этого не бывает, все дело в том, чтобы реагировать на неожиданности без суеты. Главное – быстро. Минут через десять мы должны уходить...»

...Спальня была оформлена в довольно-таки безвкусном, откровенно бутафорском псевдоготическом стиле – островерхие стулья и спинки кровати, резные наличники у высоких окон с пуленепробиваемыми стеклами. Кровать – в алькове, как положено в средневековой спальне, над кроватью балдахин. А в самом изголовье, на узорчатом настенном ковре, вместо канонического меча и кривой сабли с кинжалами висит старый знакомый – автомат Калашникова первой модели. Нет, все-таки президент не прав, так нельзя – сперва построил на деньги советского старшего брата дворец, затоварился сверх всякой меры советским оружием и техникой, советские же геологи за советские же деньги полтора года назад нашли ему большую нефть – а он возьми да запродай ее заклтым друзьям-американцам. Так порядочные президенты не поступают. За это можно и...

– Господин президент, – полковник встал у изголовья кровати.

Кемаль, Слава и Николай расположились полукругом. Еще двое бойцов у дверей, трое в коридоре. Господин президент вяло заворочался, открыл глаза – и быстро сел в постели, поочередно оглядывая каждого из незваных визитеров.

– Смею сообщить вам, что вы низложены и арестованы Военно-революционным комитетом, – произнес полковник на английском, чисто и внятно.

Господин президент еще раз обвел всю компанию ошалелым взглядом и рванулся было к Калашникову, но Николай пресек порыв в самом начале:

– No jokes, please, Mister President!²

– Indeed, would you behave, please!³ – согласился с ним полковник.

Тем временем метрах в трехстах от дворца «народные массы», вдохновляемые «Военно-революционным комитетом», вступили в бой с президентской гвардией. Будто разбуженная этим бодрящим шумом, у Олега Петровича под одеждой запиликала радиостанция. Полковник молча вытащил ее, что-то выслушал, помянул веселого Роджера⁴ и убрал назад. Все шло по плану.

– Уходим! – по-английски скомандовал он своим и добавил, обращаясь к главе государства: – Вам придется проследовать с нами, господин Президент... В случае отказа, или при попытке к бегству, или при попытке освобождения вы будете немедленно расстреляны.

К месту, где их должен был ждать вертолет, пробирались глухими закоулками на прихваченных в президентском гараже микроавтобусах, но их пришлось бросить перед крутым спуском к пляжу – дальше вела каменистая тропа. Президент передвигался довольно шустро, несмотря на наглухо завязанные глаза. Шедший сзади Телегин крепко держал его за плечо. Где-то сбоку и сзади слышался шум боя. Ввязываться они не имели права – свергать ненавистного диктатора должен сам восставший народ. Так, по крайней мере, об этом сообщит через сутки агентство ТАСС.

– А знаете, у кошек есть примета, – негромко, почти шепотом заговорил Коля, двигавшийся впереди всех. – Если дорогу перебегают негры...

– Отставить, – также вполголоса, но твердо отрезал Олег Петрович. – Вот в вертолет погрузимся, тогда нагутишься. Прибавь шагу.

Николай пробормотал: «Слушаюсь», и прибавил шагу. Постоянно травить байки и анекдоты было для старшего лейтенанта Никитина основной жизненной потребностью, как табак для курильщика.

Вертолет должен был ждать их именно здесь – на заброшенном пляже, возле рыбацкой хижины. Однако пляж был пуст. Хижина выглядела необитаемой, хотя там должны были находиться двое местных агентов. Справа от нее – небольшая лагуна, окаймленная таинственной чернотой мангровых зарослей, дальше – несколько пальм... Все остальное обозримое пространство – только серо-желтый песчаный пляж с хилыми метелками высохшей травы да серо-стальное, в легкой дымке море. Еле слышный шорох волн сливался с далекими раскатами затихающего боя, птиц не было слышно – лишь предрассветный ветерок шевелил подсохшую траву. Все было спокойно, но Славе вдруг до зуда в пальцах захотелось с разворота выпустить весь автоматный рожок в темнеющие низкорослые кусты.

– Смотрите! – фонарик Николая высветил свежие, еще не успевшие запылиться следы вертолетных колес на специально расчищенном пятачке пляжа.

– Улетел минут пятнадцать назад! – произнес Олег Петрович, снимая с плеча автомат.

– Что будем делать? – подал голос Кемаль, повторяя движение полковника.

² Не шалите, мистер Президент (англ.).

³ Действительно, ведите себя прилично, пожалуйста (англ.).

⁴ Roger – подтверждение приема сообщения в радиопереговорах (англ.).

Полковник молча подошел к хижине, распахнул дверь. Осветил фонариком, не торопясь заходить внутрь. В углу из-под брезента торчала пара человеческих ног... Полковник обернулся:

– Прочесать кусты, занять оборону! Осторожно, может быть засада. Или мины... Ник, ты останься, охраняй груз...

Груз – это господин президент. Он и вел себя, как груз, – сидел на песке не шевелясь, спина прямая, глаза прикрыты, губы сжаты, но не напряжены. Странно, подумал полковник, ни на одном из множества парадных видеоклипов, которые пришлось просмотреть при подготовке операции, лицо президента не излучало такого спокойствия и достоинства.

Около хижины никого не оказалось. Полковник переступил порог, аккуратно приподнял брезент. Из груди убитого торчала рукоятка армейского штык-ножа. Лицо перекошено, но Олег Петрович узнал своего агента, с которым неделю назад они прогуливались вот здесь, по этому пляжу, выбирая место для посадки вертолета.

– Тут в кустах второй, – сообщил подошедший Телегин. – Живой, еле хрипит...

– Что случилось, друг? – полковник наклонился над парнем, – это был второй агент, Фарид, совсем молодой, грудь и шея залиты кровью, на губах – кровавая пена. Телегин опустился на колени прямо в черную липкую лужу, через рукав вколол раненому обезболивающее, затем – сильнейший стимулятор, попытался было бинтовать простреленную грудь, но полковник мягко придержал его руку, тихо сказал в самое ухо: – Не надо его шевелить, просто заклейте пластырем входное и выходное отверстия, у него пневмоторакс, остались минуты... – И наклонился к умирающему: – Кто стрелял?

– Двое... Старик... И молодой... Белые волосы... Он называл старика Отто... – Фарид проталкивал слова сквозь кровавую пену на губах, ее становилось все больше...

– Отто? – повторил полковник. – Значит, Отто. А с ним молодой... Белые волосы... Борода и шрам клином над правой бровью?

Фарид слабо кивнул.

– А вертолет?..

Фарид дернул подбородком вверх. Улетел, стало быть, вертолет. Полковник лишь выругался сквозь стиснутые зубы. Недаром ему было не по себе последние полтора часа – слишком хорошо все шло, слишком гладко... А эта парочка еще где-то здесь наверняка. Еще постарается нагадить...

– Вы их знаете? – перепачканный в крови Телегин, стоя на коленях рядом с Фаридом, перевел взгляд на полковника.

– Погоди, – полковник отошел в сторону, достал рацию, набрал вызов, переговорил, стараясь удержать рвущиеся наружу ругательства. На немой вопрос подошедшего Телегина ответил неохотно: – Через полчаса нас отсюда снимут, если, конечно, местная гвардия во главе с Отто не снимет раньше.

– А кто этот...

– Отто? Ну, это тот еще фрукт. Отто Штеренфрид, бывший штандартенфюрер⁵ СС, профессиональный разведчик, вот он кто. Сдался американцам, когда те высадились в Италии, и с тех пор верно им служит – по своей основной специальности. Сейчас ему хорошо за шестьдесят, но весьма активен, официально – советник здешнего американского посольства. А молодой, беловолосый, – это Кроуфорд, тоже советник их посольства. На самом деле – сотрудник ЦРУ. Их должна была сегодня на рассвете отловить и нейтрализовать одна из вспомогательных групп. Ну а они, как видишь... Пойдем осмотрим площадку и подходы с моря.

⁵ Штандартенфюрер – звание в СС, соответствующее армейскому званию полковника.

Президент по-прежнему сидел на холодном ночном песке в позе лотоса. Он ничего не видел, ничего не слышал, ничего не знал и знать не хотел, его президентская жизнь кончилась. Осталось умереть, как подобает президенту, с приличествующим достоинством. Даже если придется принять смерть от руки этого головореза, что скалит зубы в двух шагах, наставив на него автомат...

По еле заметной тропке Олег Петрович двинулся к кромке прибоя, белеющей за грядой низких кустиков, Слава – следом за ним, поводя стволом автомата то в одну, то в другую сторону.

...Очередь ударила неожиданно – полковник покачнулся, выронил автомат и упал головой в песок. Телегин не успел сообразить, что произошло, – ноги сами бросили тело в сторону, руки дали очередь – прямо в кустик впереди, только что взорвавшийся вспышками. И – тишина. Ни выстрела, ни стона... От срезанного огнем кустика ничего не осталось, за ним – лишь серый песок...

– Там нет никого, – услышал он над ухом голос Никитина. – На, гляди! – Николай подал Славе бинокль ночного видения....

Из куста торчал вкопанный прикладом и рожком в землю американский десантный автомат, для крепости привязанный к торчащему из земли корню. От спусковой скобы по тропе тянулась бечевка, присыпанная песком... Наступил – и получай подарочек. Первобытная ловушка на слона.

Никитин и Слава бросились к полковнику.

Олег Петрович был мертв. Он принял в грудь всю очередь, невольно заслонив собой Телегина.

Когда прошли секунды оцепенения, Слава и Никитин оглянулись – к ним перебежками подтягивались бойцы. Кроме полковника, все были в сборе. Все? Не совсем. На кочке, где сидел президент, осталась только вмятина от его ягодич. Первым опомнился Никитин.

– Он где-то здесь! Кемаль, бери своих, пошарьте вон в тех пальмочках. Ребята, вы – со мной, в мангры. Телегин, ты с остальными обыщи хижину и... Все, больше ему деваться некуда. Только всем смотреть под ноги, под любым бугорком может быть какая-нибудь хреновина – педаль для самострела, вроде вот этого...

К хижине пошли все оставшиеся – лейтенант и трое бойцов, заглянули по очереди – там все было по-прежнему. Телегин подошел к Фариду – тот лежал спокойно, лицо разгладилось, кровавая пена на губах подсохла – он умер, видимо, сразу, как перестал говорить. Телегин вернулся к телу полковника, достал из нагрудного кармана рацию, прикрыл тело своей курткой. В голове звенела какая-то странная пустота, словно он и сам был неживой. Операция провалилась на сто процентов – командир убит, президент сбежал: группы, прочесавшие мангровую рощицу и трижды обошедшие каждую пальму, возвращались обратно с пустыми руками, без «груза». Все. Как будто этот шут гороховый со своей кочки прямо на небо вознесся... Телегин бросился к хижине, сорвал брезент. Президент лежал, зажмурившись и прижавшись к труп, как крольчонок к убитой крольчихе.

Фарида и второго агента наскоро похоронили в неглубоких ямах, вырытых в песке, а спустя двадцать минут вместо ожидаемого вертолета подошел скоростной вельбот с советского «торгового» сухогруза, вторую неделю стоявшего на рейде столичного порта и, конечно же, всем своим видом показывавшего, что абсолютно никакого отношения к спецразведке ВМФ

он не имеет. Помимо низложенного президента, на борт был загружен черный, наглухо застегнутый мешок с телом Олега Петровича...

Господин президент через какое-то время предстал перед судом народа, который вынес вполне заслуженный приговор, приведенный в исполнение без всякой волокиты.

Полковник госбезопасности Олег Петрович Шугалий был посмертно награжден орденом Ленина и Звездой Героя Советского Союза. Без права разглашения и публикаций в печати. Телегин, Никитин и остальные участники операции получили по Красной Звезде и внеочередному отпуску. Американской военной базы и ракетных шахт на острове не будет еще много лет.

Часть первая

Начало XXI века. Москва, микрорайон Ясенево, объект «Санаторий»...⁶

– Телегин Вячеслав Денисович? Проходите.

Секретарь-адъютант вытянулся по-военному, несмотря на гражданский костюм. Телегин аккуратно закрыл за собой тяжелую, отделанную красным деревом дверь и оказался один на один с директором Службы внешней разведки. Генерал сдержанно ответил на приветствие и некоторое время молча изучал взглядом прибывшего офицера.

Благодаря худощавой, гибкой фигуре выглядел подполковник молодо, лет на тридцать с небольшим. Даже седина в темно-русых густых волосах не старила его, а перебитый в боксерских поединках нос и живой блеск голубых глаз и вовсе выдавали в Телегине что-то мальчишеское, отчаянное. Генерал, напротив, выглядел старше своих лет – почти совсем лысый, с крупным, морщинистым лбом и седеющими бровями. Единственное, что роднило их обоих, – это перебитые, боксерские носы.

– Ну что ж, подполковник, о здоровье и о твоих ребятах из учебного центра спрашивать не буду. Здесь об этом сказано достаточно, – генерал хлопнул ладонью по лежащей перед ним папке с личным делом. – Разговор серьезный, Вячеслав.

Генерал выдержал паузу. Молчал и Телегин. Последний (и он же первый!) раз в этом кабинете Слава был в 82-м, после успешного завершения ближневосточной операции. Погоня старшего лейтенанта и орден Красной Звезды вручал Телегину лично начальник разведки Крючков.

– Регион знаком? – генерал кивнул на экран огромного дисплея, стоявшего чуть поодаль.

– Запад. Бывшая провинция прежней Ю... – Телегин подошел чуть поближе к экрану, на котором была высвечена среднемасштабная топокарта с множеством синих, черных и красных точек и пунктиров. – Мне лично приходилось бывать вот здесь. – Подполковник с помощью курсора выделил на карте небольшой квадратик. – В 92-м.

– Да, я помню. Сейчас там жарко, – генерал пригладил остатки волос на затылке. – Куда жарче, чем в 92-м.

– Я знаю, – произнес Телегин.

– Тогда ведь без стрельбы обошлось, а? В 92-м? – генерал пристально, не мигая, смотрел на Телегина.

– Так точно! – официально отреагировал Вячеслав.

– И в этот раз должно обойтись. Без стрельбы... Ты присаживайся, – глаза генерала впервые потеплели. – Вот здесь, рядом с озером, наши заокеанские коллеги испытывают одну интересную вещь... – Генерал выжидательно смотрел на Телегина.

– Мне следует знать, в чем ее суть? – осторожно поинтересовался Вячеслав.

– Компактная термобарическая бомба. Умещается в чемодане.

– Наслышан. – Телегин своими глазами видел последствия применения этой новой игрушки взрослых. Термобарическая бомба... При взрыве объемно-детонирующий заряд образует аэрозольное облако, в доли секунды заполняющее жилые помещения, убежища, пещеры и тоннели. А затем это облако воспламеняется – вернее, взрывается – и образует высокотемпературное поле. Оно, в свою очередь, генерирует мощную ударную волну... Короче, почти как при взрыве атомной бомбы, только в этом случае нет ядерного заражения – но зато и

⁶ «Санаторий» – условное обозначение штаб-квартиры Службы внешней разведки.

нет никаких экранов, за которыми можно спастись: аэрозольное облако заполняет самые извилистые лабиринты, проникает в самые узкие щели...

И от людей в результате остаются лишь тени, в какой бы закоулок они ни спрятались.

– Но термобарическая бомба – это громоздкая штука, она сбрасывается с самолета, и стоит больших трудов засадить ее в небольшую пещеру или узкий тоннель... По крайней мере, так выглядел опытный образец, разработанный лет шесть-семь назад в МФТИ.⁷ Американцы работали параллельно?

– Да. А потом сманили к себе нашу молодежь и... Но речь не об этом. Короче, то, что состоит у них на вооружении, действительно сбрасывается с самолетов. А вот сейчас будут испытывать портативный, компактный аналог такой авиабомбы. Принцип и механизм действия тот же, а химический состав заряда другой. В этом весь фокус, в новом химсоставе... За этим ты туда и отправишься...

– А почему испытания происходят на территории иностранного государства, да еще в столь беспокойном регионе? – вопросов у Телегина было много, но он знал – задавать можно только те, на которые никто, кроме генерала, не ответит. А на некоторые не ответит и генерал – на то он и генерал, чтобы решать, что положено знать подполковнику, которого посылают, возможно, на безвестную гибель.

– Видишь ли... – генерал хмыкнул. – Испытания проходят нелегально. Правительство и Минобороны США, конечно, в курсе, но делают вид, что ни о чем таком и знать не знают, и вообще, такого не может быть – вот их позиция. Основной заказчик – крупнейший военно-промышленный концерн, которому принадлежит патент на данное изобретение. Это серьезный бизнес... Предварительные испытания изделие уже прошло. Дома, конечно. В Штатах, на полигоне в Неваде. Но там нет возможности опробовать это дело на живом материале. Даже на животных – там, если об этом СМИ пронюхают, концерну-разработчику мало не покажется. А в «горячем» регионе, где каждый день стычки-перестрелки, трупы и пропавшие без вести и где время от времени обнаруживают массовые захоронения с десятками неопознанных мертвецов, это вполне может сойти с рук.

– Стало быть, если предать все это гласности – неизбежен большой международный скандал, – задумчиво произнес Телегин. – Разумеется, если сенсация будет подтверждена бесспорными фактами.

– Да, это конечно, – генерал поморщился. – Только скандал, Вячеслав Денисович, нам не нужен. – Он выждал паузу, в упор глядя на подполковника. – Нам нужен суший пустячок – химический состав активного вещества заряда. Для этого достаточно взять пробу почвы, воздуха или воды вблизи очага поражения. Специалисты говорят, что вода – лучше всего. Короче, нужна фляга воды вот из этого озера! – Генерал обозначил курсором голубой овал на карте. – Всего лишь. Разумеется, после испытаний. Причем не ранее чем через двое суток, иначе зараженные почвенные воды просто не достигнут этого озера, ведь взрыв будет не в нем, а в полусотне метров. И не позднее чем через четверо суток – иначе следов просто не останется. И лучше всего пробу брать у самого берега.

– Понятно. А кто еще будет со мной?

– Ты можешь сам подобрать себе напарника. Конечно, из очень ограниченного круга. Одного, не более. Он должен хорошо знать местность, язык, ну и иметь соответствующую боевую подготовку. Вот личные дела кандидатов, ознакомься. Да ты их практически всех знаешь лично...

Телегин взял протянутую генералом папку с личными делами офицеров спецразведки СВР и уже было раскрыл ее, но после минутного колебания поднял на генерала прищуренные голубые глаза.

⁷ МФТИ – Московский физико-технический институт.

– Я знаю, кто подошел бы лучше всего... Включая языки, знание местности и обычаи.

– Вот как? И кто же это? Хотя я, пожалуй, догадываюсь, – генерал испытующе посмотрел на подчиненного. – Майор Шугалий? Угадал? Да, пожалуй, эта кандидатура объективно предпочтительна... Что ж, я рад, что ты сделал такой выбор, подполковник. Идем дальше. Когда вы придете на место, посильную помощь вам окажет наш агент Ярим. Он работает на местном рынке, мелкий скупщик, часто разъезжает по окрестностям на своем микроавтобусе.

Генерал на некоторое время замолчал, затем произнес:

– И еще. В случае провала... Мы откажемся от вас. Это закон нелегальной разведки, ты знаешь.

– Знаю. Мы действуем как частные лица, так?

– Совершенно верно, Вячеслав Денисович. Приказ о вашем увольнении из СВР будет подписан сегодня же, во второй половине дня.

...И, разумеется, по состоянию здоровья, с выплатой пенсии по последнему воинскому званию... Подполковник удержался от усмешки, но не удержался от вопроса:

– Скажите, господин генерал, известно ли, что за команда проводит испытания этой штуки, кто ими руководит на месте?

– Команда небольшая, непосредственно в испытаниях участвует десять-двенадцать человек, американцы и канадцы, половина из них – эксперты корпорации-разработчика, вторая половина – спецслужбы, конкретно – ЦРУ. Руководитель – бывший офицер спецназа и кадровый сотрудник ЦРУ. – Генерал щелкнул клавишей, и на экране возникло улыбающееся лицо еще не старого мужчины. Симпатичное, загорелое, волевое лицо, украшенное небольшой бородкой. Вот только волосы – то ли седые, то ли белые от природы...

– Узнаешь? Твой старый знакомый – Джеймс Кроуфорд.

– Почти не изменился, надо же... А он находится там тоже как... частное лицо?

– Если вы, не дай бог, встретитесь там с Кроуфордом – то, разумеется, как с частным лицом, – генерал недовольно поджал губы.

Дурацкий вопрос, подумал подполковник, свою основную службу ребята этого сорта всегда исполняют как частные лица...

Чеченская республика. 200... год.

База временной группировки войск Минобороны и ФСБ

– Я ищу майора Шугалий, – Телегин протянул дежурному офицеру удостоверение.

Старлей долго молча изучал его. Он был молодым, лет двадцати пяти, невысоким, но очень широким в плечах. Рядом сидела такая же молчаливая, широкая в кости собака – ротвейлер. Изучив документ, старлей поднес его к морде ротвейлера, поводит перед носом. Телегин промолчал – приколы так себе, не очень впечатляют, но когда люди через сутки ходят на боевые...

– Мы с Магдой претензий не имеем, – кивая на ротвейлера, старший лейтенант вернул документ. – А майор Шугалий на спортивно-тактических занятиях. Полигон рядом с палаточным лагерем мотострелковой бригады. Отсюда направо.

Магда утвердительно чихнула.

Полигон, разумеется, был самодеятельным. Автомобильные камеры, подвешенные к перекладинам, турники из обрезков труб... Народу было немного – всего двое, да и те в разных концах площадки: фээсбэшники – народ не публичный. Около деревянной бочки высо-

кий парень в тенниске и камуфляжных брюках отрабатывал ката из комплекса кунг-фу, школа стрекозы. А около фанерного щита в другом углу полигона...

Нож точно вошел в шею черного человека, изображенного на фанерной мишени. Ему уже крепко досталось. Все тело было истыкано, и несколько ножей продолжали торчать – под ключицей, еще один – против сердца, еще один – в бедре. Очередной нож прокувыркался в воздухе и вошел бедняге в печень. В полете ножи не свистели – короткий, злобный шелест, негромкий стук, пауза, и снова – шелест, стук, пауза... Нож назывался «оборотень», а метала его крепкая, тренированная рука. Рука молодой, коротко подстриженной женщины. Камуфляжная куртка лежала рядом, на пустом фанерном ящике, на куртке оставалось еще несколько ножей. Телегин секунд двадцать любовался ее сильным и одновременно по-женски красивым телом. Длинные ноги, крепкие, нехуденькие бедра, не слишком тонкая талия. Загорелые, сильные руки и плечи. Линялая синяя майка, камуфляжные брюки и берцовые спецназовские ботинки...

Женщина и была майором Шугалий Натальей Олеговной. Натахой... Какого цвета были глаза у нее? Телегину они казались то серыми, то голубыми. Сейчас они, наверное, просто-таки стальные... Генералы между собой договорятся, но согласится ли она сама?

– Сумел подобраться. Аплодирую, – серые Наташкины глаза сверкнули голубизной.

– Могу научить, – проговорил Телегин.

Натаха не ответила, скептически усмехнулась, и глаза ее опять стали серыми, будничными. Вот так вот, скрытно, вырасти за ее спиной было немалым достижением. Врожденная интуиция, долгие годы тренировок и боевая практика плюс еще абсолютный музыкальный слух... И вот нате, подставилась. И переживает. Самую малость, но переживает.

– К нам на усиление? – перешла к делу Натаха.

– Нет, за тобой, – ходить вокруг да около Вячеслав не собирался.

Наташа покачала головой, ничего не ответив. Ловко вертела своим «оборотнем», затем перебрала его в левую руку и вновь отправила в цель.

– Напрасно ехал, Телегин, – наконец произнесла Наталья. – У меня здесь, как видишь, хозяйство. Можно сказать – семья на руках. – Из нагрудного карманчика она извлекла миниатюрный многофункциональный нож «Сталкер», повернулась к Телегину спиной, вновь изготовилась к броску.

Он, в свою очередь, переместился к мишени, встав так, что рукоятка только что всаженного в мишень «оборотня» оказалась впрыток с его правым ухом.

– Отойди, пожалуйста, – сказала Наталья.

– Тебя так здесь ценят? – спросил Телегин, не сходя с места.

– Вот именно... Особенно там, – Натаха кивнула в сторону гор, за проволочные ограждения. – Восемь тысяч долларов. За мою холодную башку. – Она усмехнулась.

– Да-а... Это, конечно, приятно. – Телегин по-прежнему загоразивал собой мишень. – Но....

Договорить подполковник не успел – в воздухе вновь послышалась короткая песнь ножа, и рукоятка «сталкера» задрожала рядом с левым телегинским ухом.

– Могли бы накинуть еще штук восемь, – голос у подполковника не изменился, но шея взмокла.

– Говори, Телегин... – произнесла Наташа, опустив уже занесенную для броска руку с кинжалом. На сей раз искривленным, так называемым «моджахедским».

– Надо добыть поллитра грязной водицы из одного хорошо охраняемого водоема, – Телегин один за другим вытащил из черного силуэта страдальца торчащие ножи и направился к

Наталье. – В нужном месте и в нужное время. Добыть и доставить в Ясенево.... У тебя полчаса на сборы.

– Ох, и надоел ты мне, Телегин. Ну все время, как банный лист к заднице... – Наташкина манера легкого флирта была по меньшей мере своеобразной. Не все ведь обязаны знать, что с банными листьями у нее связаны самые нежные ассоциации – в русской бане с вениками она знала толк.

Приняв ножи из рук подполковника, она вновь расположила их на своей куртке, выбрала одного из «оборотней» и удобно уложила на ладонь, готовясь к броску, но Телегин удержал ее руку.

– Слушай, давай врубайся побыстрее, дело ведь серьезное!

– А при чем здесь я? Какой водоем, о чем речь-то? – Наталья начала злиться – что за манера у мужиков, вечно лезут в женские дела, давать советы и указания...

– Смотри, – Телегин присел на пустой фанерный ящик, а на соседнем расстелил выкопировку из карты размером в два тетрадных листа. – Узнаешь? Водоем-то тот самый, где ты плавать училась. А здесь местная школа была.... Ты ведь сама туда ходила, одна. Вот по этой тропинке.

Она молча рассматривала миниатюрный план местности. Затем набросила камуфляжную куртку, откинула назад волосы.

– Кто старший группы? – спросила Наташа.

– Я. Старший группы в составе двух человек.

Наталья прикрыла на минуту глаза, на лицо вернулась улыбка.

– Тогда чего мы стоим? Мне же надо собраться, да еще всякие формальности!

Они молча и неспешно шли к Наташкиному кунгу, где она обосновалась на пару с девушкой из подразделения радиоэлектронной борьбы. Телегин все еще боялся поверить в то, что вопрос решился так просто, – он настраивался на изнурительные дебаты, заготовил неотразимые аргументы и неопровержимые факты, а оказалось, что достаточно разбудить в памяти образ малявки голопузой, в одиночестве копавшейся в песке на безлюдном, пропахшем тинной берегу затерянного в горах озера...

На сборы ушло не более получаса, еще минут сорок – на сдачу оружия и оформление всяких бумаг.

Небольшая спортивная сумка (большую тащит подполковник), бандана, джинсы и довольно-таки недешевые кокетливые сапожки с острыми носами, разгулявшийся ветерок игриво поддувает синюю, совсем не армейскую курточку. Ни дать ни взять – хорошую знакомую провожает вольнонаемный служивый после верного свидания. До вертолетной площадки оставалось метров двести. Проходя мимо одинокого покосившегося домика, когда-то служившего для отправления неотложных нужд, Наташка замедила шаг, пошла не спеша, не поворачивая головы, бросая вправо-влево настороженные взгляды.

– В чем дело? – негромко спросил Телегин.

– Отойдем в сторонку... Вертолет без нас не улетит, – отозвалась Наташка и так же негромко пояснила: – Справа, рядом с сортиром... Узрел?

Телегин врубился не сразу – ну, сортир. Ну, столбик в землю врыт метрах в восьми от сортира. Ну, веревка от столба к сортиру протянута, а на веревке чулок капроновый болтается... Стоп. Как-то одиноко он болтается – ладно бы с другим бельишком в компании. И вроде не было его пару часов назад, когда шел мимо ...

– ...Хорошо-то как, – продолжила Наташка. – Солнышко, ветерок прохладный, птички... Идет вот так генерал к вертолетной площадке в сопровождении полковников... Или подполковник Телегин в сопровождении майора...

Она таки уела его. Но и поделом... Она ведь заметила, не он! На сапожки глядел...

– Капитан! – окликнула Наталья проходившего мимо офицера-мотострелка. – Что это у вас там болтается? – Она едва заметно кивнула в сторону раздуваемого ветром чулка.

– Где? – капитан, дернувшись всем телом, схватился за ширинку, потом проследил за Наташкиным взглядом. – А, это... Тряпка какая-то. Или чулок, хер поймешь. Да пусть висит, кому он тут мешает. Хотя... – Капитан покосился на Телегина, приняв его за очередного проверяющего. – Это... Сейчас снимем. Горбачев! – окликнул он, в свою очередь, маленького, тощего ефрейтора, не ко времени высунувшего нос из крайней палатки.

– Отставить! – очень тихо, но властно произнесла Наталья. Ефрейтор, не услышав команды, подошел и вытянул шею, прислушиваясь к разговору.

Телегин не вмешивался. Ее территория, ее добыча. Работай, майор.

– Не вертите головой, капитан, – так же тихо продолжила Наталья. – И расслабьтесь. С помощью такого вот чулка очень удобно определять направление ветра... И точно попадать в цель. Проходящую вон по той тропинке.

– Снайпер? – почти шепотом произнес капитан. – В любую щель пролезут – а потом как сквозь землю!.. Горбачев! Давай по-быстрому...

– Отставить! Стойте на месте. Если он уже здесь, то первого, кто подойдет к «флюгеру», он и снимет. И уйдет, – объяснила Наталья равнодушным, усталым голосом.

Она достала мобильник и быстро набрала несколько цифр.

– А если у него радиосканер? – неожиданно подал голос маленький ефрейтор Горбачев. Наталья ничего не ответила, но на продвинутого ефрейтора глянула одобрительно.

– Будем думать, наша РЭБ⁸ тоже не спит, – впервые подал голос Телегин. «В отличие от вас, дураломонов», – это не было высказано, но подразумевалось.

Наташа произнесла несколько малопонятных слов. Какие-то цифры, незнакомые аббревиатуры...

– Я же сказала, расслабьтесь, капитан, – глядя почему-то на Телегина, произнесла Наталья, окончив разговор. – Если снайпер здесь, то он возле во-о-он той цистерны засел, больше нигде, – пояснила она, ни к кому конкретно не обращаясь. Телегин огляделся – действительно, метрах в трехстах из распадка торчала еле видимая горловина цистерны. – Убрать ее нужно. Сегодня же! Вы меня поняли? – Она подняла глаза на капитана.

– Хорошо, – поджав губы, не по-уставному отозвался тот.

Несколько минут прошло в молчании. Чулок безмятежно развевался на ветру, облегчая снайперу его огневую задачу. Наконец Наташкин мобильник ожил, пропел мелодию из фильма «Ва-банк».

– Слушаю, – отозвалась Наталья. – Ай да Магда! Хорошо, сейчас.

Она убрала телефон и на какое-то время закрыла глаза.

Затем поднялась, молча подошла к веревке и сдернула с нее чулок.

Тем временем со стороны цистерны из распадка показались три фигуры – двое автоматчиков и уже знакомый Телегину старлей с ротвейлером. Собака чинно шла рядом с хозяином. Между автоматчиками шла женщина. Она заметно хромала, прижимая к телу, точно ребенка, окровавленную руку. Вскоре из-за цистерны показался четвертый боец со снайперской винтовкой и рюкзаком.

⁸ РЭБ – радиоэлектронная борьба.

Они подошли ближе, и Телегин увидел, что женщина была совсем молодой, из-под капюшона камуфляжной куртки выбивались светлые волосы. Затравленное, испачканное кровью и землей лицо с тонкими чертами. Наталья подошла к ней, молча протянула капроновый «флюгер»: «Твой?»

Женщина бросила на нее быстрый взгляд, дернулась, ожидая удара, и, видимо, неловко задела раздробленную руку. Ноги ее подкосились, она опустилась на колени, голова бессильно повисла. Похоже, Магда не церемонилась, да и автоматчики обошлись несдержанно – брали жестко, как учили, не жалея ребер. Магда зарычала и натянула поводок. Наталья брезгливо отбросила чулок в сторону, вытащила из кармана упаковку каких-то таблеток, протянула женщине, которую автоматчики уже поставили на ноги.

Снайперша что-то пробормотала и здоровой рукой сунула упаковку в рот, выкусывая таблетки. Из уже распухших глаз покатились слезы.

Вокруг стал собираться любознательный народ – прапорщик и несколько рядовых.

Женщину, подталкивая стволами, повели в расположение контрразведки. Та старалась идти не хромя, нянча покалеченную руку, точно ребенка. Замыкали шествие старший лейтенант с Магдой. Телегин нагнулся к Наташкиному уху и прошептал: «Браво!»

– Мало ей, суке, вломили, – голос у приободрившегося капитана оказался на удивление зычным. – Задвинуть бы ей ее же винтарь в одно место...

– Заткнись! – Наталья сделала шаг вперед и оказалась рядом с офицером. Тот был выше, шире, но сейчас как-то сжался. – Цистерну убрать немедленно! Выполняйте!

Капитан отвел взгляд, откозырял. Что-то буркнул ефрейтору Горбачеву и двум рядовым, те не торопясь отправились исполнять распоряжение. Остальные зрители тоже разошлись, капитан замешкался – видимо, чувствовал себя несправедливо обиженным.

Но выступить открыто у капитана куражу не хватило, и жажду справедливости он утолил по-другому: когда Телегин с Натальей уже двинулись к вертолетной площадке, он что-то ядовито, сквозь зубы, прошипел им в спину. Натаха расслышала.

– Подойдите сюда, капитан, – обернувшись, произнесла она.

Тот нехотя подошел к женщине вплотную, раскрыл было рот и тут же рухнул от удара «лодочкой» – сложенной ладонью в отвисшую челюсть.

Наталья молча развернулась и, потирая ладонь, пошла прочь, не оглядываясь на бесчувственное тело.

– Небось бутылки с вином без штопора открываешь? – заметил чуть погодя Телегин.

– А не будет рот разевать, – отозвалась Наташа. – У него под носом весь личный состав перестреляют, а он и не почешется...

«Натаха стала красить губы, – думал Телегин, устроившись рядом с иллюминатором. – Интересно, *он* из наших ребят? Я *его* знаю или это кто-то из молодых? Может, этот, с ротвейлером Магдой? Нет, не *он*. Точно не *он* ...» Наташка сидела рядом, но дюралевое чрево боевого «Ми-24», несущегося на малой высоте, – не то место, где будешь вести беседы без крайней необходимости. Тряска, гул, болтанка...

Объект «Санаторий»,

штаб-квартира 200... год

– Курс валют на сегодняшний день: доллар США – 29 рублей 30 копеек, евро – 26 рублей 62 копейки, – дикция у адъютанта была приятной и отчетливой, а интонация – распола-

гающей к доверию. – В ближайшие недели прогнозируется дальнейший рост. Умеренный и вполне контролируемый. На мировых рынках ценных бумаг максимальным спросом пользуются акции компаний, связанных с высокими технологиями. Их котировки, по мнению специалистов, достигли потолка, и в любой момент могут рухнуть под влиянием самого незначительного толчка – как политического, так и экономического характера. У меня все.

– Благодарю, – произнес генерал, поставив на стол чашку с любимым бразильским кофе, смолотым и сваренным в турке собственноручно. Занимался этим генерал, когда была возможность, в комнате отдыха, смежной с кабинетом – адъютант, по мнению генерала, так и не освоил эту процедуру, а может, ему были просто необходимы хотя бы редкие паузы в течение изнурительного двенадцатичасового рабочего дня. И древнему ритуалу приготовления волшебного напитка генерал предавался с полной самоотдачей. Он повернулся к сидящему напротив него поджарому седому мужчине в штатском: – Как ты думаешь, реален ли в ближайшее время серьезный финансовый катаклизм?

– Экономическая и финансовая разведка вне моей компетенции, – улыбнулся тот, позвякивая серебряной ложечкой в стакане с чаем.

– Как будто я не знаю рамок твоей компетенции... – генерал, прихлебывая кофе, подождал, пока за адъютантом закроется дверь. – А теперь скажи мне просто по-человечески. У них есть хоть какой-то шанс?

– Они не боги, – вновь улыбнулся седой. – Но... За Телегиным двадцать две успешно проведенные операции, за Шугалий – девятнадцать. У Телегина – Афганистан, Ближний Восток, бывшая Югославия, Африка... У Шугалий – то же самое, только вместо Афганистана – Чечня. Что, пожалуй, похлеще будет. Но дело не в этом. Людей с богатым опытом у нас сотни. А у этих двоих есть еще одно качество, крайне редкое, врожденное, его нельзя наработать тренировками, – потрясающая способность к импровизации, к парадоксальным решениям, принимаемым мгновенно – не в результате долгой аналитической работы, а вот так сразу... В самых острых ситуациях, когда на размышление нет ни секунды. Этому была масса примеров. Насчет вчерашнего чулка уже доложили?

– Наслышан, – генерал с усмешкой глянул на собеседника.

– Это как в искусстве – или есть талант, или его нет.

Седого человека в отделе нелегальной и специальной разведки звали Навигатором. Он отвечал за оперативно-аналитические разработки. Именно он продумывал детали боевых операций, формировал спецгруппы и следил за их подготовкой.

– Насчет почтенных классиков ты прав, – усмехнулся генерал. Они с Навигатором знали друг друга не первый десяток лет. – И насчет импровизаторов тоже. Они ведь немного музыканты, я смотрел их личные дела...

– Немного. У Телегина – гитара, а Шугалий вполне сносно управляет с фортепиано. Ну что, хватит их мариновать. – Навигатор бросил взгляд на резной, ручной работы циферблат антикварных напольных часов в углу начальственного кабинета, и, словно по команде, в сопровождении адъютанта в кабинет вошли Наталья и Телегин.

– Что ж – задание вам известно в деталях, – генерал встал из-за своего стола, возможно, унаследованного от сподвижников Железного Феликса, и прошелся по кабинету, разминая ноги.

Обстановку кабинета составляла мебель начала века, плотно загруженная новейшей оргтехникой. Каким-то непостижимым образом дизайнеру (в лице самого генерала) удалось добиться удивительного эффекта: чайный столик на гнутых ножках, резные, темного дуба книжные шкафы, тяжелые темно-зеленые парчовые портьеры прекрасно сочетались с явно

чужеродными для них компьютерами, огромным плоским дисплеем для демонстраций и телеконференций напротив генеральского стола, видеодвойкой, несколькими телефонными аппаратами и другими устройствами быстрой и надежной связи. Все вместе это создавало атмосферу аристократичного, утонченного благородства помыслов, витавших в этом кабинете, и в то же время – почти безграничных возможностей реализации этих помыслов.

В этом кабинете за десятки лет не прозвучало ни одного ругательства, зато часто принимались решения, обрекавшие на гибель конкретных людей. И никому бы и в голову не пришло назвать генерала, хозяина кабинета, аморальным ханжой.

Генерал подошел к ломберному столику, на котором стоял компьютер, и несколько раз щелкнул мышкой. На экране для телеконференций после нескольких кадров-заставок появилось изображение обширной лесной поляны. На переднем плане – живописная группа огромных, рельефно вылепленных ярким солнцем сосен, на заднем – невысокие, но с крутыми склонами холмы, покрытые темной массой деревьев, и совсем далеко, на горизонте, – синевато-сиреневый контур высоких гор.

– Представляете, где это?

– Окрестности городка, куда мы направляемся. В нескольких метрах слева – лесное озеро. В середине лета оно сильно мелеет. В двух километрах на запад – деревушка, десяток домов и церковь, – ответила Наталья. – Ближайшая асфальтированная дорога проходит как раз мимо этой деревушки. Вернее, проходила лет пятнадцать назад, что там сейчас – не знаю. До городка еще с километр, от этого места – минут сорок ходьбы медленным шагом... У въезда в город – табачная фабрика. Старинное здание, остроконечная крыша под черепицей и что-то вроде герба, изображающего большую курительную трубку. По крайней мере, так было тогда...

– Вы так хорошо знаете только это место или вообще окрестности городка? – генерал не скрывал своего удивления.

– Я родилась в этих краях. Отец начинал службу офицером безопасности в советском посольстве. Мимо табачной фабрики я ходила в школу, – объяснила Шугалий.

Генерал промолчал, задумчиво потер ладонью тяжелый подбородок. М-да, личные дела офицеров надо читать внимательней.

– Вашим помощником будет Яким Елеч. Наш проверенный агент. Имеет свой бизнес на местном базаре, – продолжил Навигатор.

На экране возникли две крупные фотографии курчавого смуглого мужчины средних лет.

– Он же обеспечит транспортом, в случае экстренной необходимости – укрытием, специально на этот случай по нашей просьбе снял квартиру, смежную со своей... И не более того, – продолжил Навигатор. – Настоящих целей вашего визита он не знает и знать не должен. По легенде вы – волонтеры организации «Врачи планеты», направлены вышестоящим отделением для изучения условий будущей деятельности этой организации в тех краях. Вы приехали познакомиться с местностью, экологией, возможностью развертывания некоторой инфраструктуры – от палаточного лагеря до аренды помещений. Документы у вас в полном порядке – с полицией в этом смысле осложнений быть не должно.... Оружие в обычном понимании исключено. Никаких контактов с контрразведкой и полицией, там наверняка имеются люди Кроуфорда... И еще – в этих местах сейчас действуют две серьезные банды. Вот Касим, предводитель местных наркоторговцев...

На экране возникла физиономия вполне цивилизованного молодого человека восточной внешности. Тонкие, стильно подобранные усики, модные дорогие очки.

– Законченный негодяй. Криминальную активность своей банды прикрывает болтовней о борьбе за идею создания мусульманского государства. В последнее время на прикорме у Кроуфорда и его хозяев. Вторую банду возглавляет некто Черный Эмир. У местных мусуль-

ман, да и не только у них, пользуется гораздо большей популярностью, чем Касим, так как, по слухам, действительно верит в панисламистскую идею, более того, фанатично ей предан и ведет настоящий джихад за ее торжество. Ненавидит американцев и вообще людей западной цивилизации. Религиозен, часто повторяет, что джихад – это не просто война, а усердие во имя бога. Мы не располагаем его фотографией и не имеем о нем никаких агентурных данных – так, деревенский фольклор и впечатления неустановленных лиц. Между прочим, тот же фольклор прославляет его отряд за жесткую дисциплину и хорошо поставленную контрразведку. С Касимом непримиримые враги, но открытых стычек избегают.

Вот такой там социальный климат, как теперь говорят. Недаром у нас тут ходит байка, автор, кажется, ваш старый знакомый полковник Никитин: мол, мусульманские лидеры, обсудив на своей встрече новое устройство Ближнего Востока и окружающих территорий, единодушно пришли к выводу, что скорее всего это будет взрывное устройство. Вот так и там...

– Легенда, надо признать, обязывает, – вступил в разговор Навигатор. – «Врачи планеты» себя зарекомендовали как неплохие специалисты, и к вам наверняка будут обращаться. За помощью, за советами. Техминимум по этой части вы в свое время проходили, но... Вот скажите, господа врачи, что такое тимус, и где он находится? – Навигатор воззрился на Наталью.

– Тимус – вилочковая железа. Находится за грудиной, – ответила та без раздумий. – Знаменита тем, что в ней, в тимусе, проходят специальное обучение лимфоциты – защитные клетки, распределенные по всему организму и предназначенные для борьбы с его врагами. А в тимусе они на эту борьбу натаскиваются, так сказать.

– Точнее говоря, «Тимус» – это отдельный учебный центр в Балашихе, – в свою очередь, продемонстрировал знакомство с медицинской тематикой Вячеслав. – И лимфоциты в нем – это обучаемый контингент, вроде нас с Натальей. Это если говорить открытым текстом...

– Ладно, за врачей сойдете, – Навигатор улыбнулся. – Не мандражируем, а? – он выжидательно замолчал, по очереди оглядывая Телегина и Шугалий.

– Катетер с клитором я не перепутаю, – заверила начальство Наталья. – Подполковник – тем более...

Телегин поджал губы и отвел взгляд в сторону, генерал неодобрительно повел густыми бровями. Навигатор, наоборот, ухмыльнулся – Натальин кураж ему нравился, перед таким заданием, которое предстояло, это в самый раз.

– Вылет завтра – в 9.00.

– Ну что ты будешь с ними делать... Все такие же, как десяток лет назад, – пацаны. Точнее – пацан и пацанка... А ведь все понимают, и шансы свои оценивают трезво. Не дай бог что случится – ведь мы ничем не сможем помочь...

– В официальных рамках – нет, конечно, – отозвался генерал. – Ну а в неофициальных – ты уж что-нибудь придумаешь, мешать не буду!

Навигатор грустно усмехнулся – неофициальные рамки, в отличие от старой обуви, не изнашиваются, наоборот – с каждым годом все теснее и неудобнее.

Западная Ю...я. 200... год

Стрельба, стало быть, отменяется. С американцами опять дружим – и с каждым днем все крепче и теснее. Союзники по контртеррористической коалиции. Что ж, дело нужное и даже хорошее, особенно когда закадычные друзья не забывают, что дружить любо-дорого только с позиции силы. Американцы свою позицию провозгласили в качестве государственной док-

трины. Еще бы – их военный бюджет составляет половину общемирового и в пять раз превышает весь наш бюджет. Интересно, что об этом друг Джимми думает? Встретимся – спросим.

Так мыслил Телегин, дисциплинированно выполнив указание светового табло пристегнуть привязные ремни перед заходом на посадку. Полет был транзитный – через Италию. Там же, в аэропорту, они поменяли документы. Так требовали правила конспирации. Международная европейская гуманитарная организация «Врачи планеты за гуманизм и дружбу народов». Прогрессивно и миролюбиво.

– Ну вот, Телегин, теперь мы с тобой уже и официально «врачи планеты». И еще – внештатные фотокорреспонденты эстонского правозащитного еженедельника. – Наталья поправила висевшую на шее камеру с мощным телеобъективом. – Знаешь, фирма «Кодак» специально для России выпустила новые аппараты, – продолжила она, – к эффекту устранения «красных глаз» добавлен эффект устранения «красного носа».

– Старая никитинская хохма, – отозвался Телегин. – Между прочим, смешная только в авторском исполнении – у тебя не получается, ты уж не обижайся.

Пять минут назад они отпустили такси и теперь не спеша подходили к дому, где жил Яким Елеч.

В России такая улица скорее всего именовалась бы 3-й улицей Строителей. Ничем не примечательный район недавней массовой застройки, новые однотипные девяти-, четырех- и двухэтажные дома, правда, довольно аккуратные и удобно расположенные. Молодые, не успевшие разрастись деревья, зеленые газоны, торговые павильончики, киоски с яркими обложками журналов... Все, как в Центральной Европе.

Так, вот и нужный дом, вот балкон на втором этаже, который изучали на фотоснимках... На балконе, прислонясь спиной к стене, торчал какой-то длинный, худой парень, нервно курил. Явно не Яким Елеч. Родственник? Гость, знакомый?

– Может, адресат выбыл? Или балкон не тот, – поделилась сомнениями Наталья.

Сомнение насчет балкона было явно неуместно – Телегин отверг его с ходу, таких ляпов контора не допускает, видео- и фотоматериалы, просмотренные десятки раз, были на совесть. Да и предположение о смене адреса сразу же отпало – пройдя еще несколько шагов, Наталья и Телегин увидели автофургон-пикап с нужным номером, припаркованный за углом, недалеко от подъезда, прошли по улице еще сотню метров, остановились у газетного киоска.

– Где тачка, там должен быть и хозяин, – резюмировала Наталья, листая свежий журнал мод. – Выходит, он дома, и у него гости. Остается надеяться, что званые. Разделим компанию?

Телегин на секунду задумался. О том, что встреча должна состояться в этом месяце, Елеч был предупрежден заранее. Тогда же ему был передан и пароль.

– Пойду узнаю, что за гости, – принял решение Телегин. – А ты ровно через пять минут позвони туда по мобильнику, попроси к телефону своего коллегу по «Врачам планеты». Если я не отвечу или отвечу не попад – уходи немедленно, ясно?

Наталья искоса взглянула на него и промолчала – чего уж яснее, все по канонам.

Служба снабдила их двумя парами телефонов – обычными спутниковыми мобильниками и замаскированными под косметичку и фотоаппарат-мыльницу с компактными радиопереговорниками.

На двери Елеча не было ни звонка, ни глазка. Вот уж поистине всего не предусмотреть. Телегин прислушался. В квартире отчетливо слышалось какое-то шепуршание. Он решил постучать. Однако от первого же прикосновения дверь открылась. Никого не было, шепуршание прекратилось.

По канонам жанра надо уходить... А если этот базарный торговец банально пьянствует со своими лавочными приятелями?!

Телегин шагнул вперед, в темный коридор.

Ожидаемого удара сбоку не последовало. Щелкнул выключатель, и под потолком зажглась тусклая лампочка. Теперь он увидел своего собеседника. Точнее, собеседников. Их было двое: тот самый длинный парень, что торчал на балконе, и второй – коренастый, бочкообразный бородач, сжимающий закатанными до рукавов волосатыми ручищами крупнокалиберный револьвер. Оба стояли в конце короткого коридора и заметно нервничали. Вот чертовщина!

– Мне нужен Ярим Елеч, – сглотнув, произнес Телегин. – Он ведь здесь проживает?

– Ты кто? – спросил Бочонок.

– Уголовная полиция! – амплуа «врача планеты» отпадало. Ясно как дважды два, что раз эта парочка в открытую демонстрирует ствол, по-хорошему отсюда уйти не удастся, будь ты хоть трижды врачом любой планеты. Ну что ж, придется по-плохому...

Телефонная трель раздалась точно в тот момент, когда ее ждал Телегин, – но не «гости». Это Наташка! Бочонок схватил трубку стоявшего под локтем телефонного аппарата и тут же брякнул обратно – но на миг выпустил Телегина из поля зрения, и этого вполне хватило Вячеславу, чтобы ногой в прыжке выбить оружие. Длинного он согнул ударом в печень, однако тот оказался искушенным в драках – сумел двинуть Телегина головой в лицо. По счастью, не слишком сильно, но Вячеслав не удержал равновесия, зацепившись за вытянутые ноги бочкообразного, и красиво, как в комедийном фильме, растянулся посреди коридора. В его висок уже летел тяжелый ботинок, надетый на кривую ногу Бочонка, но Телегин успел уклониться, поймать ногу и дернуть на себя с резким разворотом. Бочонок с ревом грохнулся рядом, опрокинув телефонный столик и два табурета. Длинный сунул руку под пиджак, но Телегин успел вскочить и схватить сиденье искалеченного табурета. И очень кстати – длинный мастерски метнул в него длинный нож с узким лезвием. Нож летел точно в горло, но попал в сиденье табурета, где и застрял. Телегин швырнул сиденье длинному в голову и тут же пробил молниеносную «двойку» – вновь в печень и в нижнюю челюсть. Длинный отлетел, захлопнул телом входную дверь и затих – теперь уже надолго. Бочонок вновь был на ногах, и вновь с револьвером в руке. Теперь он выдерживал разумную дистанцию – занял позицию в самом конце коридора, спиной к двери в комнату, и в прыжке его было уже не достать. Однако стрелять он не торопился – видимо, имел в отношении представителя уголовной полиции другие намерения...

– А ну, полицай, руки в стороны, а сам на колени! Не оборачивайся! Зоран, обыщи его! – Последовала пауза – видимо, Зоран был еще не готов к осмысленным действиям. Телегин развел руки в стороны, но опускаться на колени не торопился.

– Пусть Зоран пока отдохнет, а ты клади пушку на пол и – руки в стороны! За дверью полиция, не делай глупостей...

– Это ты не делай глупостей! Если за дверью полиция, достань свой мобильник – медленно, левой рукой, и скажи им, что ты – заложник. Пусть дадут нам уйти, иначе ты – труп!

Телегин медленно отстегнул от пояса мобильник, набрал какой-то номер и под диктовку террориста-любителя открыл переговоры с несуществующим нарядом полиции. Доложив Бочонку об их успешном завершении, Телегин получил распоряжение взвалить на себя обездвиженного Зорана и медленно двигаться к выходу. Но неожиданно за спиной Бочонка рывком открылась дверь, в светлом пятне дверного проема вырос темный силуэт, взметнулись сведенные в замок руки – и Бочонок, не успев выстрелить, тяжело рухнул на пол. Такой удар легко ломает пару-тройку кирпичей, а уж шейные позвонки в основании черепа – запросто.

Телегин любовался мастерским исполнением любимого трюка киношных ковбоев – револьвер Бочонка, сделав пару оборотов вокруг указательного пальца холеной дамской ручки с короткими наманикюренными ногтями, застыл неподвижно, нацеленный в голову начавшего шевелиться Зорана.

– Надо же – «магнум», – произнесла Наталья. – Неплохо упакована здешняя шпана. У полицейских отобрали, что ли?

– Ты как сюда попала? – спросил Телегин, переводя дух.

– Обыкновенно, по воздуху... Что еще оставалось бедной брошенной женщине? А ну лежать! – она одним прыжком оказалась рядом с ожившим Зораном и с ходу впечатала острый каблучок в локтевой сустав бедняги, пресекая его попытку вытащить нож из табуретного сиденья.

– Мои аплодисменты.

– Это что, ты вот зайди в комнату, – погрузнев, произнесла Наталья. – А сейчас, падаль, ты скажешь, кто вас сюда послал и зачем, – продолжила Наталья на местном наречии, обращаясь к тихо скулящему Зорану. Тот вжал голову в плечи.

– Сомлел, бродяга. Видно, отжил свое... – Наталья щелкнула предохранителем «магнума» у самого уха Зорана. Это подействовало: «сомлевший» мгновенно раскрыл глаза.

– Если скажу, все равно ведь убьешь?

– Будешь молчать – точно убью... Но, вообще, мне тебя убивать радости нет.

Несколько секунд бандит и Наталья смотрели друг другу в глаза. Не в глаза – в души. И почему-то друг другу поверили.

– Пусть он уйдет, – пробормотал Зоран. – Тебе скажу.

Телегин недоуменно качнул головой и вышел из коридора в комнату, щелкнул выключателем, зажигая свет.

На полу, между диваном и журнальным столиком, лежало худое тело в порванной, залитой кровью зеленой рубашке. В крови была и голова с вьющимися седеющими волосами, и небритое лицо с острым носом. Лицо человека, известного как Ярим Елеч. Агента службы внешней разведки. СВР платила более чем скромно, и господин Елеч ввязался в дурную историю, что-то не поделив с местными бандитами.

Похоже, транспорт, перевалочный пункт и прочие услуги отпадали.

Отдельный учебный центр КГБ СССР

Город Балашиха, Московская обл. 198... год

– Кандидат в мастера по боксу... Так, хорошо. Специалист в области фортификационных сооружений, подрывник. Английский в пределах... Это плохо. Языком надо заняться серьезно. На чем играли в училищном ансамбле?

– На бас-гитаре.

– Репертуар?

– Обычный... Песни эстрады и кино, – дернул плечами Телегин. Однако, поймав насмешливый взгляд Навигатора, добавил: – Ну еще «Лед Зеппелин», «Битлз», конечно...

– Что думаете о курсе внешней политики СССР? – улыбаясь одними глазами, неожиданно спросил Навигатор.

– Считаю его миролюбивым и прогрессивным. А потому верным, – твердо ответил Телегин.

– Я тоже так считаю, – кивнул головой Навигатор.

...Самое смешное, что служить в КГБ Телегин не собирался. Еще месяц назад он командовал взводом инженерной разведки Тульской дивизии ВДВ. Неожиданно приехал откуда-то серьезный седой дядя в гражданском и спустя пару дней уединился с лейтенантом в кабинете особого отдела. Дядя вроде как мягко предлагал, но, с другой стороны, давал понять, что согласия лейтенанта и не требуется, решать будет он, приезжий дядя. Телегин счел за лучшее выразить добровольное согласие.

О спецразведке КГБ Телегин ничего не знал, как и подавляющее большинство людей. Однако, приехав в подмосковную Балашиху, лейтенант заметно приободрился. С виду обычная воинская часть, но внутри... Стрельбища, специальные полосы препятствий, автодром, танкодром, парашютная площадка. По окончании курса в Учебном центре КГБ СССР каждый офицер получит специальность, именуемую «разведчик специального назначения». Согласно уставу, каждый такой разведчик обязан уметь организовывать засады, налеты; обеспечивать безопасность объектов и людей; задерживать особо опасных преступников; работать с агентурой; проникать на любой объект; изготавливать и разминировать взрывные устройства; владеть мастерством рукопашного боя; стрелять из всех видов отечественного и иностранного стрелкового оружия, включая арбалеты; оказывать первую помощь раненым, знать азы военной медицины... И в конце длинного перечня – в пределах разговорной речи знать иностранные языки, причем английский – в обязательном порядке.

Поначалу Телегина несколько разочаровал инструктор по рукопашному и спецогневой. Пожилой такой, неказистый мужичок, для поколения Телегина – просто дедушка. Среднего роста, щупловатый. Назвался Андреем Митрофановичем Дремовым. Старшие офицеры между собой почтительно называли его Егерем. Прозвища были у многих, но не как у школяров или уголовников. Они были вроде почетного звания.

– Боксер из тебя хреновый, уж прости. Нос вон не уберег, скулы, бровь... На улице часто дрался? – Егерь критически оглядел лейтенанта.

– Я и сейчас... ну, если кто напросится, – дернул рассеченной бровью Слава.

– Молодец... Ну, покажи, как ты это делаешь, – на полном серьезе произнес Дремов, не отводя от Телегина цепкого взгляда.

Место, надо сказать, не слишком располагало к спаррингу – зеленая лужайка, с двумя пеньками. Рядом сваленные в кучу, продырявленные фанерные мишени. Да и одеты были в повседневную полевую форму. Однако если старший по званию просит, надо уважить...

Для затравки (и чтобы поставить деда на место) Телегин решил провести свою излюбленную правую «двойку» – по печени, и тут же по открывшейся челюсти. Однако вялый дедок как-то странно дернулся всем корпусом, быстро присел, и лейтенант Телегин полетел в кусты. Подняться дед ему не дал, прыгнул, точно хорек на цыпленка, припечатал коленом в грудную клетку. Очнулся Слава от легкого похлопывания по щекам.

– М-да, Телегин... Драться ты не шибко горазд, – Егерь выпрямился. – Плохи дела твои – в реальном бою ты бы уже остывал.

– В реальном бою... – попытался было возразить Слава, но в груди сдавило дыхание, и он тяжело закашлялся.

– Я про реальный бой и говорю – с рукопашной у тебя очень плохо, – без усмешки сказал Дремов.

Откашлявшись, Телегин спорить не стал – не тот случай. Попробовал бы кто в его поселке сказать, что Славка не умеет драться...

– Дело в том, Телегин, – выждав паузу, рассудительно продолжил Егерь, – что ты очень на свою молотилку надеешься. А зря. Это на ринге ты – почти мастер. Бокс – это спорт, чет-

кие правила, всякие запреты... А здесь готовят не для спорта, а именно для реального боя, где никаких правил. Реальный бой – это смертельно опасный противник. Вот сблизится он с тобой, войдет в боевой контакт – и все. В боксе упал – к тебе рефери никого не подпустит, пока сам не встанешь. А в реальном бою равновесие потерял – все, не встанешь уже никогда. Посему для тебя будет специальная программа. Кулаками драться запрещаю! Заломы, захваты, броски – вот твои приемы. И борьба в партере. Увижу, что кулаками машешь, – три наряда вне очереди. У тебя еще не так все ужасно – тут вот прибыли разные «пояса» по карате, айки-джитсу – ну вообще балет! Позы разные принимают, приседают, прыгают, ножками дрыгают... А в реальном бою им ноги повыдергивают вместе с... Гм... С их черными поясами.

– Кто повыдергивает? – позволил себе провокационный вопрос лейтенант.

Егерь впервые усмехнулся. И не слишком по-доброму.

– Есть такие, Слава... – он впервые назвал Телегина по имени. – Сейчас есть и раньше были.

– И все же кто, если не секрет? – Слава не удержался и вновь кашлянул.

– Ну, раньше был, например, такой отряд... Отряд спецопераций абвера, – негромко ответил Егерь, и взгляд его вновь стал цепким и жестким. – Входил в состав дивизии «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер». Дивизия хоть и танковая, но и в рукопашной они были спецы, а уж отряд спецопераций...

– Рубились, рубились, пока не дорубились, – кивнул Телегин. – Ведь раздолбали же их все-таки, и отряд, и дивизию «лейбштандарт Адольф Гитлер», и абвер...

– Раздолбали, – спокойно согласился Дремов. – Но ведь три года ушло, пока долбать научились. Три года! А сколько наших дивизий на одну немецкую положили, ты знаешь? Так вот, учись долбать заранее...

Первые месяцы после индивидуальных занятий рожа у Телегина бывала так разукрашена, что в город, в увольнительную, было стыдно отправляться. Не зря говорят, что переучиваться тяжелее, чем учиться. Боксерская выучка стала барьером – руки сами летели в цель, стоило глазам увидеть открытую точку, куда в боксе положено бить. И перейти барьер долго не получалось: боксер тем и силен, что реакция его – автоматическая, мгновенная, мозг контролирует только стратегию, в лучшем случае – серии ударов, а не отдельные их элементы. Это было невыносимо трудно – отучить тело реагировать ударами в автомате. Просится апперкот – а надо брать на залом. Противник созрел для серии джеббов – а надо подсекать ноги и еще барахтаться на четвереньках в партере. Зато ему, противнику, дозволяется абсолютно все...

Однако через пару месяцев таких занятий Телегин поймал себя на том, что барьер как-то незаметно испарился. Теперь тело само могло моделировать схватку, автоматически изобретая (именно изобретая!) нужный прием. На автомате он проводил подсечки, захватывал шею, заламывал руки... Упав, мог достать противника ногой, или перебросить через себя, или захватить его конечность в «ножницы»...

А еще через месяц Дремов снял запрет на удары – и теперь не всякий боец выдерживал спарринг с Телегиным.

Жизнь в учебном центре имела еще одну особенность, к которой Вячеслав никак не мог привыкнуть, – каждый курсант в любой момент мог наткнуться на розыгрыш, маленький игровой экзамен на сообразительность, на готовность к неприятным неожиданностям, нестандартным ситуациям, из которых надо было выходить быстро и эффективно. Устраивали такое обычно и отцы-командиры, и «деды»-старослужащие, как правило – в так называемое личное время, сводя на нет само это понятие.

Как-то на первом месяце службы Слава купался вечером в небольшом озерце на территории части.

– Сынок, а ты гланды вырезал? – услышал он, уже подплыв к берегу.

Около его одежды стояли два здоровенных мужика. Тот, что постарше и повыше, был похож на цыгана. Второй, коренастый, выглядел «одесситом» – хитрый прищур, металлические коронки, сверкающие в усмешке. Телегин знал этого «одессита», тот был на курс старше Славы. Вопрос задал именно он. Телегин медленно вышел из воды. Протянул было руку к одежде, но его обступили с двух сторон.

– Оружие нами изъято, ампула с ядом – тоже, – объявил суровым голосом Цыган.

– В плавках у тебя ничего нет, – Одессит профессионально, безлично провел по ним ладонью. – Я имею в виду режущие, колющие и огнестрельные предметы.

И здесь неуставные игры «старослужащих»... Не такие, конечно, как в обычной казарме. Свои, специфические. Что делать? Не драться же... Вроде шутят, однако одежду взять не получалось никак...

– Извините, господа, но вы оба уже пять минут как трупы, – не моргнув глазом, сообщил «старикам» Слава. – Поэтому позвольте одеться!

– Не понял, разъясни, – прищурился Цыган.

– Все-то вам разъясни... Я с трупами как-то не привык объясняться, ну да ладно, – махнул ладонью Телегин. – Одежда заминирована, заряд вон там, в двух шагах.

– Где? – очень серьезно спросил Цыган.

– А вот же... Сами посмотрите!

– Э нет, дорогой. Если мина есть – предъяви! – Одессит также оставил шутливый тон.

– А вот на ящик «Жигулевского» спорим, что вы – уже трупы, – так же серьезно произнес Телегин.

– И на сто приседаний с бутылкой «Жигулевского» на голове! – добавил Одессит.

– Идет! По рукам.

Все трое шагнули к указанному Телегиным кустарнику. Сейчас уже можно было бы взять одежду и послать их куда подальше. Но... Телегин решил доиграть до конца по предложенным «стариками» правилам. Хоть бы банка какая консервная оказалась в нужном месте, так ведь нет – на территории части образцовая чистота и порядок...

– Нету мин, – развел руками Одессит. – И магазины в поселке закрыты...

– У трупов со зрением плохо, – Телегин сделал шаг вперед, указывая рукой в самую глубь жидкого кустарника. – Это что?

Слава произнес свое «что» так громко и убежденно, что оба «старика» невольно повернули головы и вновь наклонились над травой. И этого вполне хватило Телегину, чтобы выхватить из нагрудного кармана у высокого записную книжку-блокнот. Слава тут же откатился в сторону, занял «огневую позицию»...

– Пиф-паф! Господа, вы уж извините, но все же вы – трупы...

Получилось почти как у красноармейца Сухова в «Белом солнце».

– Ну что ж, – похлопав себя по карману, подвел итоги Цыган. – С нас пиво. Насчет приседаний, конечно, извини – обойдешься. Мы с Колей, как-никак, старшие по званию.

– И намного? – поинтересовался Телегин. Сейчас он стоял в позе победителя, небрежно поигрывая «трофейным» блокнотом.

– Да так... вот Коля – старший лейтенант, – кивнул в сторону Одессита Цыган. – Ну, а я... так уж получилось – полковник!

Только теперь Телегин заметил, что Цыган гораздо старше и его, Славы, и Одессита. Хотя благодаря тренированному телу и черным густым волосам выглядел он почти как их ровесник.

– Значит, так, Телегин. Поступаешь в мое распоряжение, – веско произнес цыган-полковник, забирая свой блокнот. – Учеба твоя теперь пойдет ускоренно, и через полтора месяца – боевое задание! Весьма серьезное... Стоп, погоди, а здесь ведь фотокарточка была! – полковник заметно встревожился, листая блокнот. – Неужели выпала? Ну-ка, давай ищи. Где ты тут руками махал?

Слава машинально ворошил траву, думая не о выпавшей фотографии, а о боевом задании. О, вот она, карточка... Под куст залетела – видно, ветром задуло! Фотография была небольшая, черно-белая. На ней – две девочки, одна беленькая, постарше и посерьезней, вторая черненькая, весело смеющаяся, видно – дошкольница. Полковничьи дочери, конечно. Теперь понятно, почему полковник расстроился.

– Это Наташка, а это Анька, мои разбойницы, – объяснил он, бережно вкладывая фотографию под обложку блокнота.

Вечер они провели втроем. Полковник, Олег Петрович Шугалий, расспрашивал Телегина о фортификационных работах и понтонных устройствах, периодически переходя то на английский, то на арабский и фарси. Телегин, даже если и не все понимал, старался не терять лица. Наконец полковник отправился спать, а Слава остался с Колей Никитиным.

– Самая страшная психическая атака – знаешь какая? – Одессит Коля слегка прищурился, но вопрос прозвучал вполне серьезно.

– Ну, и какая?

– Матросы в одних тельняшках верхом на зебрах, – тем же серьезным тоном разъяснил Одессит. – Помни и не забывай, фортификатор. И в следующий раз не теряйся, когда на тебя голого полковник нападает – вполне одетый и пешком...

– Да ну тебя... Ты лучше хоть вкратце объясни, что за задание предстоит? – не удержавшись, спросил Слава.

– В свое время узнаем... Я и сам не догадываюсь. Только вот приходит на ум одна деталь. Знаешь, за что полковник Красную Звезду получил? За дворец Амина... Но об этом, учти, в газетах не написано.

Когда задание было выполнено, Олегу Петровичу был дан прощальный салют, а Никитин и Слава были зачислены в особое подразделение. Эдакий спецназ в спецназе. Курировал его лично Дремов. Да что там «курировал» – все свободное время с бойцами проводил. Около трех лет они не участвовали в боевых операциях, лишь выезжали на «стажировки» в джунгли Вьетнама и на побережье Кубы. Затем была небольшая спецкомандировка в Латинскую Америку – и вновь тренировки, боевые учения, и опять тренировки...

А еще через восемь месяцев в отряде появилась девушка. Впервые за всю послевоенную историю Отдельного учебного центра.

Он впервые увидел Наташку самый первый раз – на фотографии из блокнота Олега Петровича, тогда у озера. Ей там лет двенадцать, не больше. Серьезная такая, круглолицая, никаких косичек-бантиков – аккуратная взрослая прическа. Почти такая же, как и теперь, – называется, как будто, каре. И совсем на Олега Петровича не похожая. Вот младшая – Аня, та цыганистая, глазастая, вся в отца.

А первая встреча «вживую» произошла, казалось, совсем недавно.

– К нам прибыла дама. Довольно симпатичная! – сообщил лейтенант Сычев.

Девушку Телегин увидел около клуба. Она сидела на лавочке, видимо, ждала коменданта общежития. Одета в темно-синюю курточку и джинсы. Действительно, симпатичная. Но, впрочем, не более того. Надо же – какая польза может быть от дамы в их конторе? И на какую же должность ее определяют? Радисткой? Санинструктором? Так вроде и надобности такой нет... И почему именно в их особое подразделение? Ну не бабское это дело – спецразведка, это ведь не интеллигентный шпионаж под дипломатической крышей...

Ответы Телегин получил спустя полчаса, в спортзале.

– Вот, прошу любить и жаловать! – Егерь выступал в непривычной для себя роли заботливого дедушки.

Своих внуков, к слову сказать, у Дремова не было. Как и жены. В 47-м, в Ивано-Франковске, юный бандеровец из-за угла школьного здания геройски запустил гранату в молодую учительницу русского языка, которая была женой начальника отдела по борьбе с бандитизмом.

– Звание – лейтенант, специальность – переводчик, – в свойственной ему манере продолжил представление Дремов. – Остальные вопросы задавайте сами.

Она стояла перед ними, круглолицая, коротко подстриженная, одетая точно так же, как и все в зале, но далеко не новая летняя полевая форма спецназа смотрелась на женских формах почему-то куда более аккуратно, чем на мужиках, и как-то даже щеголевато.

– Куаль дэ се номбре, сеньора?⁹ – задал первый вопрос Телегин.

– Шугалий Наталья Олеговна, – ответила та.

Вот те раз... Телегин тут же вспомнил тот случай с потерявшейся фотокарточкой. Дочка полковника! Встречный вопрос заставил Славу сильно напрячь извилины.

– Вы женаты, господин офицер? – спросила девушка на чистом китайском языке.

Телегин замялся. Как по китайски «разведен», он не знал. Зато вспомнил, как это будет на итальянском.

– О, – мило заулыбалась девушка и добавила, на сей раз на безупречном английском, – должно быть, со своей женой вы тоже пытались говорить на испанском, коверкая произношение?

Зубастенькая девочка, в обиду себя не даст.

– Для офицеров специальной разведки полный курс рукопашного боя обязателен, – прервал их пикировку Дремов скрипучим голосом.

С этим никто не спорил, в том числе и круглолицая Наташа. Она сама подошла к Телегину, церемонно полуприсела, превратив входивший в моду восточный полупоклон в шуточный книксен. Телегин адекватного ответа не придумал, молча кивнул. Егерь и ребята тоже промолчали – предоставили выпутываться ему самому. Что ж – придется действовать.

В начале схватки Телегин, разумеется, не принимал ее всерьез – пусть порезвится девочка. Да тут и без рукопашного ей такое предстоит, что всю жизнь будут кошмары сниться. Сама подаст рапорт, куда ей деваться. Вопрос нескольких дней...

Стойка у нее была обычная, правосторонняя. Без малейшего намека на столь нелюбимое Дремовым каратэ. Правом первого хода, естественно, воспользовалась дама – и довольно удачно. Обманный взмах ногой перед самым лицом противника, демонстрирующий прекрасную растяжку и гибкость корпуса – и резкий выпад ладонью в горло. Телегин успел поставить блок и коронной подсечкой заставил девушку приземлиться на пятую точку. В боевых условиях следом бы шел завершающий удар ногой в голову. Телегин собирался этот удар только обозначить, но боец Шугалий, видимо, на такое рыцарство с его стороны не рассчитывала,

⁹ Как ваше имя, сеньора? (исп.).

молниеносным кувырком перекатилась вперед и железной хваткой вцепилась в телегинские щиколотки. Рывок – и он равновесие потерял, а девушка надела на него сверху, колено – в живот, руки – на горло. Телегин машинально двинул кулаком по незащищенному месту – в область сердца. Вместо привычных задубелых ребер коллег кулак встретил мягкую девичью грудь, Шугалий вскрикнула, ослабила хватку. Телегин в смятении вскочил, ужасаясь содеянному, уверенный, что партнер выведен из строя и нуждается в медицинской помощи. Успел подумать, что надо помочь ей подняться, и в ту же секунду у него перехватило дыхание от мощного удара, нанесенного симпатичной светло-русой головкой точно в солнечное сплетение. С трудом блокировал следующий удар, нацеленный в печень, – и далее везде. Девчонка почуяла вкус крови, удары следовали сериями. Сейчас дралась она по-мужски, серьезная баба – не зря погоны носит. Для Телегина главным было – не потерять равновесие. А с ним и все остальное – ну кто будет всерьез воспринимать офицера спецназа, побитого девчонкой, да еще новичком...

Спасло телегинскую репутацию боксерское прошлое, умение ставить защиту и уходить от серьезных ударов. Он и уходил, но вскоре ощутил на губах знакомый солоноватый привкус. Дурацкое положение. И кто только пустил эту девку в спецразведку... Теперь бровь. Только не потерять контроль над собой... Он попытался провести легкий удар по корпусу, чтобы немного урезонить противницу, но та легко уклонилась и в ответ весьма чувствительно врезала стопой ему под колено. Телегин опять еле устоял на ногах. Ну, Заяц, погоди...

Наталья добила, чего хотела, – Слава работал всерьез. Хотя ты и девка, но нельзя же так... Постой, сейчас мы тебя нейтрализуем... Телегин изловчился захватить ее шею в замок между кистью и плечом, рывком пригнул голову вниз – и далее в связке идет удар коленом в лицо, стопроцентно победный вариант. Удар Слава не провел, но обозначил – и в ту же секунду, не сдержавшись, вскрикнул от боли. Чертова девка захватила его ногу и впила зубами в бедро. И тут же, вырвавшись из замка, крутанулась в воздухе и в прыжке ударила ногой в голову.

На ногах Телегин удержался лишь благодаря всевышнему.

– На сегодня достаточно! – послышался сбоку голос Андрея Митрофановича.

– Слушай, кончай злиться!

Она сама подошла к нему после душевой. Сразу перешла на «ты».

– Да ладно, проехали... – ответ прозвучал не слишком любезно, Телегин, конечно, злился. На себя в основном: не смог справиться с хулиганкой, не нашел достойного приема.

– Все, забыли. Я же понимаю, что ты не в полную силу бился, если бы озверел, мог бы меня одним ударом... Так ведь?

И тогда он впервые рассмотрел, какие у нее глаза. Серые, мягкие, с весело играющими искорками. словно не о зубодробительных ударах шла речь, а о поэзии или музыке. Обида сразу прошла, и его вдруг снова охватило то самое ощущение, которое он пережил, когда только что ударил ее в грудь. Стыд, смятение. Даже зябко как-то стало... Женщину, в грудь. А он ударил. И сам же надутый ходит. Это ему в пору извиняться! Но здесь так не принято.

– Ну ты тоже хороша, не знал, куда от тебя деваться, – губы у Телегина сами расплылись в глупую улыбку.

Наталья улыбнулась еще шире и лихо шлепнула ладонью по его протянутой для рукопожатия руке:

– Значит, один – один! До новой встречи в зале, старший лейтенант Телегин!

А серые глаза глядели так же мягко, и плясали в них те же манящие искорки.

А вечером, в кровати, Телегин долго ворочался – заснуть никак не получалось. То опять зябко становилось, то в жар бросало. А в голову лезли одни и те же мысли – как кинолента, прокручивалась сегодняшняя схватка, руки словно наяву ощущали упругое, сильное и такое нежное тело под грубой тканью спецназовской куртки...

Чтобы избавиться от наваждения, Телегин стал вспоминать военные истории, рассказанные Дремовым или его соратниками, – то ли сюжеты этих историй были чересчур неординарные, то ли рассказаны они были необычно, но истории эти могли перебить любые эмоции, как запах боевой «Черемухи» заглушает все прочие ароматы.

Вот, например, истории про «робинзонов».

...Почему, собственно, их называли «робинзонами»? Этого никто из смершевцев не знал и не помнил. Робинзон, как известно, долго-долго куковал на необитаемом острове. А смершевский «остров» был очень даже обитаемой местностью. Населенной волкодавами-скорохватами.

Историю эту Телегин услышал в первые месяцы своего появления в Центре. Праздновали День чекиста – 12 декабря. Торжественная часть давно кончилась. Те, кто был пьян, пошли спать, остальные продолжили. Одна из групп «продолжателей», в которой оказался и Слава, сосредоточилась в «курилке» – пятачке в кустах позади жилого корпуса, где стояли друг напротив друга две скамейки. Центром притяжения был весьма пожилой, но вполне бодрый и весьма заслуженный пенсионер, приглашенный на торжество в целях передачи славных традиций. Одна из немеркнущих традиций была со знанием дела и надлежащим тщанием передана и столь же истово воспринята – Слава был самым трезвым, но и он с трудом держался на ногах: традиции надо блюсти, на то они и традиции.

Здесь-то, в кустах позади жилого корпуса, и услышало молодое поколение историю о Робинзонах и о Егере Дремове, мастерски изложенную и даже разыгранную в лицах пожилым пенсионером.

Остановился как-то рядом с дремовским штабом конвой. Этапировали в трибунал захваченных на освобожденной территории полицаев, карателей и прочих пособников оккупантов. Капитан Дремов разговорился со старшим конвоя. Они были в одном звании и, как выяснилось, земляки – из соседних деревень. С чего спор возник, пенсионер не помнил. Но слово за слово, и пошел разговор о рукопашных схватках. Старший был убежденным сторонником популярного тезиса: сила есть – ума не надо. И если не исхитрились противники достать друг дружку штыком или гранатой – тогда остается жить дальше тот, у кого кулак тяжелее да черепашка толще, а всякие там боксы-шмоксы, самбы-мамбы – пустое, для показухи сойдет, а в деле – только помеха.

– А хочешь пари? – Дремов придерживался других убеждений.

– Давай. А о чем у нас спор? – удивился конвойник.

– А о том, что я вон тому бугаю откручу башку в течение минуты, – Дремов кивнул на самого здорового молодого полица. – Сходимся в рукопашную один на один.

– Ну это ты брось, – конвойник строго оглядел поджарого, невысокого Дремова. – Мне же за тебя отвечать придется. Нет, оставь, оставь. Вроде и не пили мы еще...

– А есть?

– А как же? Само собой! Трофейный коньяк. Всемирно известной марки «Мартель»!

– Ну вот и спорим на «Мартель». А я поставлю флягу спиртика. Идет?

– Спятил ты, капитан...

Однако ударили по рукам.

Полиция звали Васька. Он был под два метра ростом и очень удивился, когда недомерок офицер разъяснил ему, чем предстоит заняться. Васька усмехнулся.

Поначалу полицай махался вяло, хотя, конечно, кулаки сильно чесались разбить легавому голову, как спелый арбуз, – это Васька умел и любил, не раз устраивал показательные выступления на потеху корешам. И порешил Васька-полицай – была не была, порву-ка напоследок этого энкаведэшника к чертям собачьим, и пусть конвой стреляет – все одно через пару дней трибунал. Виселицу уже сколотили, причем те же полицайи, не сильно замаранные. Из тех, кому «полтинник» светил да грел. А Ваське – веревка, толстая, прочная, чтобы тело его любимое висело долго, до темноты...

Легавый капитан скакал вокруг, точно поддразнивал. Полицай решил помирать с музыкой, замахнулся пошире и, хэкнув, как дровосек, послал кулак в ухо. Однако случилось непонятное – легавый мотнул головой и остался стоять на ногах, Васькин кулак уха не встретил, а сам Васька кулем свалился в пыль. Споткнулся, что ли? Полицай вскочил на ноги и со звериным рыком бросился на легавого.

Дремов вновь скакнул, точно заяц с пенька, и Васька вновь полетел на землю. И вновь вскочил, и вновь зарычал. Капитан больше не скакал, стоял прямо. Васька почувствовал, будто под дых ему вонзился наточенный колун. Васька крикнул, захрипел, согнулся... И точно тот же тяжелый колун ударил обушком снизу в челюсть. Полицай упал в третий раз, уткнувшись носом в начищенные офицерские сапоги. И в ту же минуту почувствовал, как вокруг головы сомкнулся стальной зажим, точно две железные скобы: одна впилась в подбородок, другая – защемила затылок...

Капитан-конвойник только руками развел.

А Дремов, скривившись, медленно достал носовой платок, безгласно отер руки, швырнул платок на изломанное тело... Кадык выворочен, башка на 180 градусов выкручена, болтается на раздробленных шейных позвонках.

Пенсионер, видно, не в первый раз рассказывал эту историю. И было видно: он до сих пор удивляется тому, что произошло почти сорок лет назад на пыльной околице украинского села. Ведь в самом деле! Сам видел – открутил Егерь башку полицая!

...В тот раз трофейный коньяк «Мартель» вестовому конвойного капитана, ныне заслуженному пенсионеру МВД, не понравился – разведенный спиртик из фляжки победителя оказался ядренее и слаще.

– А еще как-то раз Дремов против троих «робинзонов» вышел, – продолжил тогда вечер воспоминаний заслуженный пенсионер. – Это уже после войны было, мы вместе с ним в разведшколе науку проходили. Там «робинзонов» использовали как учебный материал – вроде живых чучел для рукопашки. В работе как раз были двое бывших власовцев и молодой уголовник. Власовцы мятые уже были, пожилые, без куражу – ну, б/у, короче. А урка помоложе, злой, падла, и... Ну, дубленный такой, жилистый пацан.

– Что, по серьезу буцкаем? – урка был самый натуральный бандит, осужден по мокрухе. Теперь таких авторитетами называют.

Дремов ему подтвердил, что вполне по серьезу.

– Ну, по серьезу так по серьезу, начальник, – урка слова лениво так гундосит, губу оттопыривает, зенки свои белесые прищурил, глядит на фигуру «гражданина начальника» с насмешкой – мол, шас я тебя урою, курва легавая...

Первым Егерь привалил тогда власовца. Кулаком под сердце, почти без замаха. Как он сумел – не знаю, только власовец отключился мгновенно, точно серпом подрубили – аж лбом оземь тюкнулся. Второго тоже с одного удара под корень подрубил – раздробил каблуком

коленный сустав. А вот с уркой... До того сразу дошло, с кем он связался, только блатной кодекс ему убегать не позволил. Урка стал кругами ходить, держал дистанцию, что-то соображал, изучая Дремова, как опасную змею на тропе. И вдруг, неожиданно сорвав с головы свою блатную кепочку-восьмиклинку, насадил Андрею на голову так, что закрыл и глаза, и нос... Я вижу – на миг опешил Дремов, дыхание сбилось, врага не видать... Машинально дернул кепочку – не вышло сразу сорвать. Нос помешал... И тут же жуткий удар пропустил – носком сапога под самое дыхло...

Как Дремов устоял, не знаю. Все же к удару был готов, напрягся весь, это видно было... По счастью, на курсах СМЕРШа обучали бою в темноте либо с завязанными глазами. Дремов согнулся, качает корпусом туда-сюда, не дает урке выбрать, куда бить, а сам исхитрился и поймал того на захват, и уже поймал его голову на сгиб локтя – дальше удушающий прием, и хана бы уркагану. Но тот как-то выскользнул, и ударил было Дремова под колено, но Андрей уже успел сбросить чертову кепку и пошел на урку, как танк, освирепел, забыл про свою науку, вломил бандиту пару раз – и тот поплыл, стал заваливаться, но и тут свои блатные замашки не забыл – вместо того чтобы назад или вбок упасть, повалился прямо на Дремова, а сам хавку раскрыл и цап своими железными зубьями... Как Андрей успел уклониться – до сих пор не знаю, все было как в ускоренном кино... Вот реакция у мужика! Ну какой нормальный человек мог ожидать такое? А он – успел! Зубы уркана ну прямо в миллиметре от Андреева носа щелкнули. Еще немного – и остался бы калекой...

Теперь Дремов себя контролировал полностью – слепую ярость сменила расчетливая злость. Несколько сильных, точно нацеленных ударов – и урка, уже нисколько не притворяясь, упал на колени, прикрывая голову.

– Уй, начальник! Больно же! Пожалей, не калечь! Уй, не надо больше, помру! – урка завывал и взвизгивал, точно подбитый пес. Андрей остановился.

– Ой, отец... Ты что... Все нутро отбил... Как жить теперь? Больно... – гнусавые причитания звучали непрерывно и очень жалобно, пока урка медленно поднимался на ноги.

И вдруг, резко разогнувшись, молнией выбросил вперед правую руку с растопыренными рогаткой пальцами – прямо Дремову в глаза. Но Андрей ждал этого удара – кое-какой опыт общения с этим народом у него имелся. Как только завелась песнь: «Больно, начальник» – жди «козы» в глаза. Дремов поймал руку на излом, жалеть не стал. Послышался хруст, и урка взвыл уже не притворяясь. Дремов развернулся и пробил по печени и в переносицу. Блатарь упал. Несколько секунд лежал в отключке, затем Дремов ткнул его носком сапога по почкам. Урка охнул, застонал. Но попыток встать больше не делал. Так и остались лежать все трое – власовцы могли бы встать, но мудро рассудили, что лучше начать шевелиться потом, когда уйдет этот легавый волкодав, а урка только в больничке окончательно пришел в себя, после того как сердобольные врачи сложили и кое-как загипсовали его конечность.

Среди приписанных к разведшколе «робинзонов» никто его больше не видел.

Побуцкали по серьезу.

В конце сороковых, еще при жизни вождя и его верного соратника Лаврентия Палыча, «робинзоны» исчезли. То ли вымерли, то ли на стройках коммунизма оказались нужнее. Это потом Резун-Суворов – «власовец» семидесятых – про них вспомнил в своем «Аквариуме» и почему-то обозвал их «куклами». Нет, не было больше ни «кукол», ни «волонтеров», ни «робинзонов».

...Телегин постепенно засыпал, непрошенные мысли и образы в голову больше не лезли. Да, байки о Дремове, да и его собственные рассказы – лучший освежитель для мозгов. Про кепку, и пальцы веером, и про прочие смертоносные штучки Дремов Телегину с Никитиным не только рассказал, но и показал, и научил, и контрпиемы преподавал. Мало ли, в жизни все может пригодиться.

Западная Ю...я. 200... год

– У меня мало времени, – ствол «магнума» уперся Зорану в разбитую переносицу. А голос Наташи звучал мягко и тихо. – Меня интересует владелец квартиры. Это вы убили его? – Наташа отвела ствол от покалеченной физиономии сантиметров на десять, наставляя его то в лоб, то в глаз бандита. Допрос вела она, так как лучше знала язык, Телегин следил за Бочонком. Тот немного пришел в себя, но лежал без движения – и правильно делал, беречь его шкуру Слава не собирался.

– ...Так уж получилось. Мы и не собирались, только хотели деньги взять. Он нам должен был, – Зоран говорил торопливо, безуспешно силясь унять мелкую дрожь. – Яким на Эмира работал, а может, еще на кого-то... – Зоран часто затряс головой. – Он сам за нож схватился!

– На Эмира работал, говоришь? А ваш хозяин – Касим?

– Да. Он очень рассердится, когда узнает...

– Это его проблемы, – оборвала бандита Наталья. – Кстати, как нам его увидеть?

Парень поспешно замотал головой. Телегин бросил на него быстрый взгляд, затем вновь повернулся к Бочонку. Тот еле слышно постанывал, но демонстрировать, что пришел в себя, не торопился. Впрочем, все и так было понятно – агент Яким Елеч слишком любил деньги. И с кем-то не поделился.

Тем временем в дверь, к которой привалился Зоран, вдруг кто-то постучал. На пару секунд все затихли, первой стряхнула с себя оцепенение Наталья.

– Кто это? – спросила она Зорана.

– Наверное, наши, – сдавленно произнес тот. – Мы их минут двадцать назад вызвали, с трупом помочь.

– Это просто праздник какой-то! – с этими словами она приложила Зорану рукояткой «магнума» по темечку – с таким расчетом, чтобы он молча лежал с полчасика. Слава подверг той же процедуре Бочонка, используя ножку от табуретки.

– Давай на балкон – и вниз, если там чисто! – Наталья встала так, чтобы держать под прицелом дверь, в которую все настойчивее колотили очередные визитеры – надо же, ну что за популярная личность этот Елеч... Слава метнулся к балкону – к счастью, улица была пуста, три часа полудни, самая жара, местное население вкушает послеобеденный сон или грабит торговых агентов...

Телегин подхватил свой «докторский» саквояжик, сбросил вниз. Перевалился через перила, повис на руках, держась за основания металлических прутьев-балясин, чтобы быть как можно ближе к земле, и отпустил руки. Четыре метра свободного полета с приземлением на газон – пустяк, на тренировках прыгали с шести...

Наталью он подхватил под мышки, хотел подстраховать, но неудачно – оба потеряли равновесие, плюхнулись на бок. Наталья что-то прошипела свирепо о том, что без рыцарской помощи была бы целее... Через минуту они дворами уходили от злополучного дома, стараясь двигаться не спеша.

– Слушай, а как ты влезла на этот балкон? Сверху вниз – это и кирпич сумеет, а снизу вверх...

– А я не снизу вверх, а справа налево... Когда ты по мобильнику не ответил, мне стало обидно – наобещал бедной девушке, а сам ни ответа, ни привета. Ну, барабанить в дверь сочла бестактным в этой ситуации, решила пройти через смежную квартиру, о которой нам дома толковали, помнишь? И прошла, там никого не оказалось, вышла на балкон, а он от «нашего» – на расстоянии одного шага. Ну я и шагнула...

– Я же тебе говорил, если не отвечу – уходи... Были бы эти клоуны профессионалами – влипла бы так же, как я, это же элементарно – держать под контролем все входы и выходы. Что с тобой делать...

– Ну извини, я нечаянно, – Наталья ядовито улыбнулась, взяла Телегина под руку. Точный ход – ведь не будешь же читать нотацию даме, ведя ее под руку.

– Слушай, тут рядом должна быть ярмарка. Да вон, видишь – высокие ворота? Зайдем, – предложил Телегин. – Потолкаемся по лавкам, перекусим где-нибудь, решим, куда дальше...

– Ты так считаешь? – неуверенно спросила Наталья. – Здесь ведь касимовские кадры так и кишат...

– В толпе нас искать не будут. Вон урна, выброси револьвер, – голос Телегина зазвучал жестко, по-командирски.

Не скрывая сожаления, Наталья покорно сунула завернутый в косынку «магнум» в урну. Что ж, Вячеслав прав – в толпе пользы от железки мало, а в случае встречи с местной полицией – верный провал.

Западная Ю...я. 200... год

– Это лично тебе, Касим. Если сочтешь нужным, поделишься со своими людьми.

Касим – среднего роста, средних лет, худощавый очкарик с довольно интеллигентным лицом. Пожалуй, только подпорченная неглубоким резанным шрамом правая щека и временами чересчур жесткий взгляд глубоко посаженных черных глаз говорили о его истинном роде занятий. Модно подстриженный, гладко выбритый, умеющий себя держать в любом обществе очкарик Касим был главарем местного наркосиндиката. Сейчас перед ним стоял распахнутый чемоданчик-дипломат из огнеупорного материала, почти доверху набитый пачками зеленых купюр. Напротив сидел высокий, атлетически сложенный мужчина с аккуратной бородкой и большими теменными залысинами, с лицом, заросшим модной в Европе начала третьего тысячелетия трехдневной полуседой щетиной и небольшим клинообразным шрамом над правой бровью. Касим вряд ли догадывался, что в былые годы близкие знакомые называли этого симпатичного джентльмена не иначе как Эсэсовец.

– Благодарю, Джеймс. Как тебе живой материал? – вежливо осведомился Касим.

– Что ж, вполне приемлемый. Я сейчас вернусь, дождись меня, пожалуйста.

Кроуфорд не торопясь покинул двухэтажный трейлер. В огромном фургоне располагался передвижной штаб его команды.

Касим в очередной раз вытащил из чемоданчика пару пачек, надорвал, проверил, не «куклы» ли, затем аккуратно положил назад и захлопнул чемодан. Сдвинул код на замке, аккуратно поставил чемоданчик между ног, налил себе очередную порцию любимого сухого мартины.

Касим очень не нравился Джеймсу. По природе заурядный делец. Следуя велению времени, в толпе приверженцев и вообще на людях не упускает случая произнести сакраментальные слова – «Аллах акбар», «джихад», «истинная вера»... А на деле – абсолютно беспринципный бандит, ради «мусульманской идеи» не истратит ни гроша, наоборот, ухитряется делать на ней очень неплохие деньги. Похоже, он никогда в жизни не открывал Корана, и вообще – из всех книжек его внимание привлекали только чековые. Если бы не следствие, непреложно вытекавшее из этих особенностей: если, например, завтра здесь появятся русские и заплатят ему больше, голова Кроуфорда будет доставлена им на серебряном подносе... Русские... Нет, они вряд ли появятся здесь и уж точно не смогут заплатить Касиму больше Кроуфорда. Хотя... К встрече с русскими надо быть готовым постоянно, это Кроуфорд усвоил еще с Афганистана.

Повязать главаря шайки только деньгами – мало. Особенно в глазах его людей. Тут нужно другое, Кроуфорд давно искал подходящее решение, и несколько дней назад оно родилось. Это

была откровенная авантюра, но уважение коллег (и гонорары!) он снискал именно за склонность к риску.

Кроуфорд зашел в тень глиняного сарая, возле которого стоял его трейлер, расстегнул ширинку, побрызгал в темные кусты терновника. Заканчивая дело, тихо, как бы самому себе, пробормотал несколько слов. В трех шагах от него из-за кустов бесшумно поднялась темная фигура, что-то пробормотала в ответ.

– Он пройдет здесь мимо тебя через пять или десять минут. Ты готов?

– Я готов.

– Держи. Он заряжен, полная обойма. Потом сразу беги через рощу на дорогу, там тебя ждет машина – зеленый «Фольксваген», – Кроуфорд бросил стоявшему в кустах тяжелый пистолет калибра 7,62 мм. Такой пробивает бронежилет с пятидесяти метров. Стоявший в кустах человек поймал оружие, проверил обойму, кивнул – и растаял в темноте.

Джеймс застегнул ширинку и направился обратно к трейлеру.

...Этого парня пару недель назад доставили Кроуфорду боевики Касима в качестве «живого материала». Парень резко отличался от других представителей поставляемого контингента – молодой, крепкий, большие карие глаза с фанатичным яростным блеском, черная, подстриженная по последней исламистской моде борода, одет, как принято у боевиков. Джеймс был уверен, что встречал его среди людей Касима, и небрежно поинтересовался у конвойных, нет ли здесь ошибки. В ответ прозвучали проклятия – оказывается, парень не вписался в коллектив, он слишком ревностно исповедовал ислам и осмелился открыто критиковать самого Касима за стяжательство и небрежение в делах веры. Такое однозначно каралось смертью, но Касим и здесь решил заработать – продал его Кроуфорду, не сомневаясь, что «живой материал» в недалеком будущем обязательно перестанет быть живым.

Три дня назад, обдумывая свое решение насчет Касима, Джеймс вспомнил об этом парне и не откладывая провел с ним беседу тет-а-тет.

– Слушай меня внимательно. Можешь не верить, но я, как и ты, работаю на благо ислама...

– На благо ислама не работают, ислам – наша вера, а мы – слуги Аллаха. Ты не наш. Не правоверный, я знаю... Что тебе нужно?

Парень сурово сдвинул брови, глядел враждебно и презрительно. Как будто ему дано решать судьбу Кроуфорда, а не наоборот. Вот чертовщина – к такому разговору надо было готовиться заранее и продумать каждое слово... Однако Эсэсовец решил не ломать намеченного сценария.

– Я дам тебе оружие. И ты убьешь Касима! – Эсэсовец с силой сжал запястье парня. – Он предал свою веру, предал Аллаха, а тебя, как свинью, послал на убой. Я дам тебе возможность отомстить, а потом – ты свободен, я помогу тебе скрыться, уйти к Черному Эмиру. Ты готов?

– Давай оружие. Тогда я поверю тебе.

– Нет, здесь тебе некуда будет его спрятать. Я доставлю тебя в нужное место, там дам оружие, а потом помогу уйти.

– Что будет потом – неважно. Если я убью Касима...

– Я всегда готов к встрече с тобой, Джеймс! Буду ждать твоего звонка, дорогой, мобильник включен днем и ночью, – произнес Касим, стоя на пороге кроуфордовского трейлера. Телефон спутниковой связи, подаренный накануне Джеймсом, выглядывал из его нагрудного кармана. – Если живой материал понадобится еще, не стесняйся, для тебя все сделаю. На прежних условиях, да?

– Я провожу тебя, – непринужденно улыбнулся Кроуфорд.

Около бежевого повышенной проходимости джипа кучковались касимовские бойцы. Они мало походили на своего командира и вполне соответствовали телеимиджу мусульманских боевиков – бородатые, угрюмые, увешанные оружием и мобильными телефонами, которые периодически начинали пикировать. Иногда Лунной сонатой.

...Он поднялся из кустов во весь рост, когда Касим был шагах в пяти от джипа. Стрелял молча, держа пистолет обеими руками, чтобы попасть наверняка. И, конечно, попал бы, но... Одним ударом Эсэсовец сбил Касима на землю и, сам заваливаясь рядом, нажал на курок зараннее вынутого «глока». Тоже калибра 7,62. И место, и время Кроуфорд выбрал превосходно – не слишком светло, но и не темно; кусты небольшие, и высокий парень оказался отличной мишенью. Эсэсовец успел всадить в силуэт парня три пули, прежде чем завалился поверх Касима, с удовольствием вдавливая его во влажный лесной перегной.

...Парень, именовавший себя «службой Аллаха», неподвижно лежал лицом вниз. Теперь его безжизненное тело в буквальном смысле решетили телохранители Касима. За спиной слышались громкие стоны – видимо, кого-то все же задело...

– Извини, Касим. Я не ушиб тебя? – Кроуфорд уже спрятал пистолет в кобуру и сейчас помогал подняться потирающему ухо и затылок Касиму.

Тот бросил команду своим, и те прекратили стрельбу. Истерзанное пулями тело лежало неподвижно. Эсэсовец перевел дух, кажется, все удалось, как он и задумывал. Вокруг них плотной толпой сгрудились касимовские бойцы, бурно ликующие и негодующие одновременно: еще бы, великий Аллах не дал негодю, предателю поразить их главаря, который геройски противостоял подлому нападению. В адрес Кроуфорда славословий почти не прозвучало, но Джеймс правильно оценил удивленные и уважительные взгляды тех, кто видел, как все произошло.

– Кажется, я где-то видел этого типа. Бывший твой боец, нет? – Кроуфорд заботливо отряхивал потрясенного Касима, тот старался подавить нервную икоту, его мертвенно-бледное лицо постепенно восстанавливало свой нормальный, розово-смуглый цвет.

– Свиныя и сын свиньи... Будь проклят он и вся его родня до седьмого колена... Неделию назад я его пожалел. Не расстрелял на месте. И вот его благодарность. Ишак и сын ишака! На! На!

Касим подошел к кровоточащей массе, в которой уже трудно было распознать тело высокого парня, и храбро принялся пинать и топтать останки ногами. Верные мюриды словно ждали знака – кинулись в центр круга, где лежал убитый, чтобы лично покарать уже многократно уничтоженного врага. Кроуфорд, стараясь скрыть отвращение, терпеливо оттащивал Касима подальше от этой толпы неукротимых мстителей.

– Успокойся, Касим, он свое получил. Вот так всегда – окажешь нечестивцу благодеяние, а он тебе ответит злом. Не переживай, такова натура этих низких негодяев. Но великий Аллах справедлив и милостив, и этот случай – еще одно тому доказательство. Благодарю Аллаха!

– Да, ты прав, Джеймс. Как всегда. За то, что произошло, я буду вечно благодарить Аллаха. И тебя. Теперь до самой гибели я твой вечный, кровный должник, и мои люди тоже! Только скажи, и я...

Пройдет время, эмоции потускнеют, и ты забудешь о своих словах, думал Кроуфорд. Но это – потом. А сейчас... Сейчас я сыграл свою партию блестяще. Молниеносная реакция, безошибочная стрельба, даже грубый толчок, сбивший Касима на землю, – это как раз то, что больше всего ценит эта публика. Пусть почувствуют силу! Теперь Касим поостережется в открытую науськивать на меня своих головорезов. Иначе его слово потеряет всякий вес в этой бандитской среде, чтущей свой уродливый, но жесткий кодекс чести, и тогда они возьмутся за него самого... Теперь Касим надежно схвачен, за самое горло.

Немного жаль парня, этого «слугу Аллаха». Даже странно. Другой бы дал деру, прихватив оружие, этот же пошел до конца. Значит, я не ошибся в нем. Ну что ж, мусульманский рай ему обеспечен. А все остальные... А все остальные – живой материал. И не более того. Часть из них послужит науке.... А также оружейному бизнесу, второму по выгодности после наркотиков.

И послужить им придется совсем скоро. Спецоперация «Китайский фейерверк» состоится завтра в одиннадцать утра, или, как принято у военных, в 11.00. Городок аттракционов уже выстроен, пиротехники ждут своего часа.

Отдельный учебный центр КГБ СССР 198... год

– У тебя проблемы, Шугалий? Что-то вид невеселый. Может, тебе в медпункт заглянуть или просто взять тайм-аут?

Она отрицательно замотала головой. Совсем не по уставу.

– Тогда – отдых пять минут. И снова на полосу!

Ну разумеется, на полосу. Какой тайм-аут, чего ради? И Дремову придется вписать в ее боевую книжку оценку «отлично». Наталья не стала садиться, как другие курсанты. Походила, расслабившись, размяла ноги, проверила еще раз, удобно ли распределены по карманам и лямкам всякие железки, которые положено иметь при себе бравому курсанту на полосе препятствий, поправила на поясе штык-нож, на груди – компактную радиостанцию... Все нормально. И она прекрасно себя чувствует... Наташа закрыла глаза и на несколько секунд отключилась от всего окружающего. Что же все-таки не так? Почему внутри, буквально по всему телу разлита какая-то тихая, тлеющая печаль?

Два дня назад она вернулась из Москвы, куда ездила провести мать и сестру Аньку. Ненадолго, всего на четыре дня. Нет, они не поссорились, ничего не произошло, напротив – все было как обычно, первый день пролетел незаметно, второй – почти как первый, а на третий оказалось, что двух дней на погружение в домашний уют было бы вполне достаточно.

Откуда же это странное настроение, это смутное чувство утраты?

И только теперь Наташа поняла, что эти два самых близких для нее человека отдалились, как бы остались за пределом ее новой жизни. Они прожили четыре дня, почти не разлучаясь, расспрашивали, рассказывали о своем житье-бытье, все было важно и интересно, но прошло три дня – и Наташа уже не могла вспомнить, о чем шла речь, как будто не слышала разговоров, не разбирала слов... А в самом деле, о чем они говорили? Здоровье, учебе, погоде. Все. То, что теперь знала и понимала Наташа, рассказывать маме и Аньке было нельзя. Во-первых – подписка о неразглашении, а во-вторых... Что стало бы с ними, доведись им услышать хотя бы половину того, чем занимается их дочь и сестрица вместе с полусотней своих коллег, а более того – узнать, к чему их готовят? Они слабо разбирались в том, что происходит за пределами их квартиры, работы, института. Наташе же были неинтересны разговоры матери и сестры о сделанном ремонте квартиры, о том, что нужна бы пристройка к дачному домику, о цветнике и огороде, о будущих студенческих каникулах, путевке в Геленджик. Она кивала головой и улыбалась. Кивала и улыбалась. Расцеловала перед обратной дорогой... И только сейчас ей стало по-настоящему больно. Говорить им было не о чем – Аня с матерью были жителями другого мира, и Наташе уже и не хотелось переступить его границу.

И кто теперь она для них?

К чертям, в задницу размышления – ее место на полосе препятствий, и оценка «отлично» будет получена – для этого есть одна маленькая домашняя заготовка.

Так, барьеры и перекладина – позади. Теперь «труба» – длинная, установленная на высоте двух метров от земли. Наташа взгромоздилась на обтерханные сотнями ног уступы,

пробежала по всей длине на одном дыхании. Завидев в конце «трубы» мишень, одним движением выхватила штык-нож, бросок... Кажется, в «девятку», ну как минимум «восемь».

Теперь «небоскреб» – двухэтажный панельный дом, специально построенный для того, чтобы им ежедневно и многократно овладевали крепкие духом и телом молодые бойцы. И хотя строили на совесть, а овладевать приходилось без применения оружия массового поражения, дом быстро дряхлел и разрушался. То ли строили его спустя рукава, заранее зная, что использовать дом будут не совсем по назначению, то ли молодые тела были износоустойчивее дерева, бетона и металла, но только штукатурка давно осыпалась, от рам почти ничего не осталось, а из стен кое-где торчали железные прутья арматуры и какие-то крючья. Наталье предстояла стандартная проблема любой игры в «Doom», которую ежедневно и триумфально решают миллионы, – взобраться на второй этаж, оттуда – на крышу, пробежать по ней и спуститься с другой стороны, поразив по дороге нескольких фанерных противников. Для подъемов и спусков разрешалось использовать только портативную спецназовскую кошку на довольно тонком репшнуре – других подручных средств не предусматривалось.

Никому еще не удавалось пройти полосу менее чем за две минуты. Сегодня Наталья собиралась это сделать. Она хотела забросить кошку не в окно второго этажа – что приводило к потере драгоценных секунд, а прямо в заранее облюбованную дырку на крыше, а затем – маятником прямо в окно. Легко и изящно.

Кошка зацепилась, где надо, Наталья быстро поднялась на уровень намеченного окна, гостеприимно зиявшего в трех метрах справа, оттолкнулась от выступа стены и, зависнув на репшнуре, понеслась маятником прямо к окну.

ЧП случилось в нижней точке дуги, где скорость была максимальна, – красивый полет был грубо прерван какой-то железякой, торчавшей из стены. Железяка пропорола десантную куртку и чиркнула по девятому ребру. До окна оставалось полметра, но Наталья оказалась пришпиленной к стене, как жук на булавке. К счастью, стена не просматривалась со старта полосы препятствий, где толпились бойцы, но если ее увидят в этой позиции те, кто идет по полосе, ее способ преодоления «небоскреба» навсегда войдет в историю школы. Надо было срочно сниматься со штыря. Наталья расстегнула куртку и с ужасом убедилась, что проткнута не только одежда, но и как минимум кожа – боку уже стало мокро и больно. Скрипя зубами и тихо матерясь, Наталья стала выпрастываться из одежек – левую руку, затем – правую, разорвала спортивную майку, расстегнула лифчик – и только тогда удалось освободиться от чертовой железяки.

ЧП не только отняло время и привело в негодность кое-какое бельишко, оно вдобавок погасило инерцию – Наталья так и осталась висеть рядом с окном. Но рекорд еще мог состояться, и, чтобы не терять времени, она решила упростить одевание – просто всунуть руки в рукава куртки, а потом снять одежки со штыря и продолжить штурм. Но не успела. В тот момент, когда она, всунув левую руку в рукав, еще держалась правой за ребро оконного проема, из окна показался Телегин – он стартовал перед нею. Узрев нештатную ситуацию, Слава продействовал мгновенно – схватил торчащее из незаконной пустоты чье-то запястье и что было силы дернул на себя, не задавая вопросов. Результат был ошеломляющим: не удержав равновесия, боец Телегин завалился на спину, а на нем оказалась Шугалий топлесс, с ворохом верхней и нижней одежды, сбившимся в кучу где-то ниже колен.

Секунду они в оцепенении молча смотрели друг на друга. Затем Наталья вскочила и, славословя непечатно героя-освободителя, начала лихорадочно натягивать на себя то, что уцелело после встречи с железякой и с Телегиным. Но тут же обнаружила, что не хватает небольшой, но нужной детали: лифчик отсутствовал полностью. Кинувшись к окну, Наталья узрела его гордо реящим на штыре под напором легкого утреннего бриза. А по полосе уже шел следующий соискатель рекордов. Сейчас поднимет голову и...

Прошипев «Держи меня за ноги, идиот!», Наталья бросилась к оконному проему и, перевесившись за подоконник, сорвала со штыря белые лоскутки, а заодно ухватила болтающийся репшнур, чуть не вывалившись вниз головой наружу – Слава поймал ее щиколотки в самый последний момент.

Вместо рекорда Наталья показала предпоследний результат – последний был у Телегина. Но ведь могло быть гораздо хуже, если бы были свидетели. Бог миловал. Правда, кое-какие последствия все же были.

– Шугалий, у тебя кровь на боку. В чем дело? – услышала она голос одного из офицеров, становясь вместе со всеми в строй после окончания занятий.

– А, царапина, бандитская пуля, – ответила Наталья неуставно, за что получила замечание и была отправлена в санчасть.

Спустя полчаса она сидела, прислонившись спиной к дереву, и, закрыв глаза, слушала тишину наступающего вечера. «Залатанная», умытая и переодетая. В медпункте обработали глубокую дурацкую царапину и заклеили пластырем. Бок саднило, и на душе было мерзко. Угроздило же родиться бабой. Вот пожалуйста – случай пустяковый, была бы мужиком, посмеялись бы и забыли. А теперь, как быть со Славкой – ведь в глаза смотреть неприятно, небось теперь всегда, как увидит, так скалиться будет и подмигивать мерзко...

– Наташ... Ты это... Извини, – послышался голос над самым ухом. Ну до чего точны приметы – подумаешь о дураке, а он тут как тут.

– Уйди отсюда, Телегин, – устало произнесла Наталья, не открывая глаз и не меняя позы.

– Ты чего? – ошарашенный Слава невольно опустился на колени. – Я что, нарочно, что ли?

– Встань, – устало произнесла Наталья. Хотела еще что-то добавить, но смолчала, лишь глаза свои ясные закрыла – нет больше для нее Телегина.

Заскрипели ветки, зашуршали кусты – ушел Телегин.

Как все по-дурацки... Не дай бог видел кто со стороны Телегина на коленях перед лейтенантом Шугалий... Не надо было так с ним, не надо. Но не извиняться же теперь.

Телегин лежал на кровати и делал вид, что читает журнал «Сельская молодежь». С разговорами никто не лез – народ здесь с понятием. И дурацкая, неотвязная при всем своем идиотизме мысль – «сиськи обалденные, просто чудо природы, даром что офицер спецразведки»... Конечно, он и вел себя как идиот – сидел и пялился. Но почему так зло она его отшила? Извинился ведь. Видно, он просто ей неприятен. Да и кто он, собственно говоря, – Славка Телегин? Ну, боевые заслуги опускаем – здесь все мужики не раз и не два со смертью в чет-нечет играли. А так, по жизни – боксер-неудачник с перебитой рожой. И все. На гражданке был бы тренером при клубе.

Слава зло сплюнул – опять идиотские рассуждения! Какой тренер? Какая, к чертям, гражданка? Он в училище не за полковничьей пенсией шел. Да и в семье военных не было. Батя срочную на аэродроме служил. Когда Славку не взяли в Рязанское десантное, он чуть не разреvelся перед комиссией. Хорошо хоть майор порекомендовал Тюменское училище инженерных войск, там тоже рота ВДВ имелаcь. И в Тюмень он как на крыльях летел. В КГБ его пригласили после первого же года службы в качестве командира взвода инженерной разведки ВДВ. Пригласился чем-то «сватам» из лубянского ведомства. А чем – Слава до сих пор не мог понять.

– Телегин, – вывел его из дурацких размышлений голос Никитина. – Пойдем, покажу кое-что.

Николай привел Телегина на стрельбище. Две мишени в человеческий рост были произвольно поставлены так, словно между двумя приятелями велась беседа. Невдалеке были раз-

бросаны разные предметы – консервная банка, бутылка из-под жигулевского пива и пустая пачка сигарет.

– Стоп! – остановил Телегина Коля метрах в семи от своей «экспозиции».

– Смотри и аплодируй! – Никитин, как фокусник в цирке, вытянул обе руки вперед, произнес какую-то абракадабру в качестве магического заклинания и гротескно-высоко опустил их на валявшуюся в траве мятую пачку из-под сигарет.

И в то же мгновение обе мишени рухнули, подкошенные автоматной очередью, раздавшейся откуда-то сбоку. Расстреляв обе мишени, невидимый автоматчик умолк.

– «Принцип домино», – пояснил Никитин. – Помнишь фашистскую ловушку на Острове? Телегин помнил.

– Видишь, теперь и мы можем то же самое – в модернизированном варианте, – продолжил скромняга Никитин. – Думаешь, это маразм, заложил примитивную мину, протянул веревочку – и дело с концом? Что ж, на дурака и такой капкан в девяносто случаях из ста работает. А если, допустим, здесь важное randevu? И все тут обыщут, и с собаками пройдут, и под каждую травку глянут? Или, скажем, так: мне надо устранить кое-кого во время многолюдного собрания, но так, чтобы меня никоим образом заподозрить было нельзя. Я хожу себе в стороне от объекта, болтаю со случайными людьми, меня обыскали до и обыщут после – кроме презерватива и сигарет, у меня ничего не найдут, а как только объект приблизится к нужному месту – маленький музыкальный момент, и дело сделано. Да мало ли где...

Аккуратно миновав «капкан», Никитин поднял обе мишени и вновь установил их.

– Поймать бы сюда того Эсэсовца... Давай, овладевай, Телегин. Приказ Дремова. У тебя не одна неделя уйдет, ты не думай! Для вдохновения повесь чей-нибудь портрет на мишень. Можешь зампреда Ильина, а можешь... – Никитин как-то странно посмотрел на него – насмешливо и грустно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.